

Татьяна БУЛАТОВА

*А другой
мне не надо*

*Татьяна Булатова в своих книгах отвечает на вопросы,
которые мучают многих и многих женщин.
И отвечает не поверхностными советами, а живыми
образами и ситуациями.*

Анна Берсенева

Татьяна Булатова

А другой мне не надо

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Булатова Т.

А другой мне не надо / Т. Булатова — «Автор», 2016

ISBN 978-5-699-87632-7

Можно ли всю жизнь хранить верность одному человеку? Ни разу не изменить, не поддаться страсти? Анатолий и Анна Гольцовы были уверены, что можно. Глядя на них, и окружающие не сомневались: настоящая любовь существует не только в книгах. Вон, у людей уже сын взрослый, не сегодня завтра внуки появятся, а они смотрят друг на друга влюбленными глазами, как в медовый месяц. Но счастье, как известно, – материя хрупкая, и разрушить его проще простого, все равно что чашку уронить и разбить. Правда, чашку можно склеить. А вот можно ли склеить судьбу? Чтобы все стало как прежде? Да и с чашкой все не просто: склеить-то ее – дело техники, только получится ли пить из нее чай? Время покажет...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87632-7

© Булатова Т., 2016
© Автор, 2016

Татьяна Булатова

А другой мне не надо

© Федорова Т.Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Семье Гольцовых завидовали и многократно желали: «Чтоб им жизнь маслом не казалась!» Иначе где справедливость? Одним – все, а другим – ничего. Те, которым «ничего», подозревали Гольцовых во всех тайных грехах и с удовольствием указывали на недостатки ремонта: «плинтус отошел», «наклеено криво», «тон не тот», «нормальные люди разве так делают?». Вырвавшись на волю из гольцовой квартиры, завистники, а по совместительству «друзья дома» единодушно выносили вердикт: «Это при таких-то деньжищах! Могли б и дизайнера нанять».

А у Гольцовых денег на хорошего дизайнера не было. Денег вообще не было. Точнее – их было столько, чтобы поддерживать более или менее достойное существование: одна поездка в год за границу, две-три – в Москву, абонемент в бассейн для каждого члена семьи... ну, и по мелочи. Просто Гольцовы не жаловались и молча платили свои многочисленные потребительские кредиты, успокаивая себя тем, что они владеют другим богатством. «Это любовь!» – становился серьезным сентиментальный Толя и с обожанием смотрел на свою Аню. А Аня – на него.

«Филемон и Бавкида!» – восклицала Толина теща и многозначительно поглядывала на внука, далекого от античной мифологии. Тот не реагировал. «Петр и Феврония», – взгляд ее становился все более красноречивым. «Отстань от него, мам, – посмеивалась Аня. – Он неграмотный». – «Ага, – соглашался с матерью Игорь. – Я неграмотный. Но ничего ужасного в том, что я не знаком ни с Филемоном, ни с Бавкидом, нет. Это можно организовать в любой момент...» Последние слова вселяли суеверный страх в сердце бабушки, бывшего библиотечного работника, и заставляли волосы на ее голове шевелиться. «А что такого-то? – удивлялся бабкиной реакции внук. – Заходишь «ВКонтакте» и задаешь: «Бавкид». «Бавкида...» – автоматически исправляла его Людмила Дмитриевна, и в ее глазах отражалась печаль. «Какая разница!» – пожимал плечами Игорь. «Большая, балбес», – смеялась Аня и, отвернувшись от сына, сначала смотрела на мужа, потом на мать и шепотом по слогам произносила: «У нас – лю-бовь».

«Лю-бовь?» – так же шепотом, вытаращив глаза, переспрашивала Людмила Дмитриевна. «Лю-бовь, – строго подтверждал Толя и, указывая глазами на дверь, дополнял: – Теперь у нас не дом, а юдоль страданий». – «Нет, Толечка, – волновалась Людмила Дмитриевна. – Ваш дом не юдоль страданий, ваш дом – приют любви». «Точно», – соглашался с тещей романтично настроенный Толя, а Аня морщилась и мечтала, чтобы мама ушла домой, мужа отправили в полугодовую командировку (вдруг повезет!), а Игорь уехал в Москву вслед за таинственной Леночкой, поклонницей спорта и здорового питания. Впервые за столько долгих лет Анна Викторовна Гольцова хотела другой жизни.

* * *

– Представляешь, Жан, вот смотрю на него и еле сдерживаюсь, чтобы не дать по рукам и не заорать: «Хватит меня трогать!»

– Правда, так надоел? – заинтересовалась Жанна Мельникова, забыв стряхнуть пепел с сигареты.

– Правда, – выдохнула Аня и, заложив прядь русых волос за ухо, заискивающе посмотрела на подругу: – Осуждаешь?

– Я? – ухмыльнулась Жанна. – Не просто не осуждаю, со-чув-ствую! Я, Ань, если честно, не понимаю. Тебе сорок три года, а ты до сих пор – в девках.

Анна быстро поняла, куда клонит приятельница, и сразу пресекла разговор:

– Мне это не нужно.

– А мне вот нужно! – объявила Жанна и загрустила: – Я на своего смотрю и думаю: «Где мои глаза были?» А ведь я, Анька, его любила. Как дура. Что ни скажет, все делала. Даже аборты. Потому что Коля сказал: «Пока рано. Давай поживем для себя». А потом поняла: на фиг? Все равно никто не ценит.

– А по-моему, очень даже ценит, – как-то неуверенно произнесла Аня, и перед глазами замаячил образ чужого мужа в очках и с интеллигентной лысиной, загоревшей под солнцем садового участка.

– Много ты знаешь. – Жанна была непримирима. – Во-первых, Колян не мальчик. Это твоему сорок пять, а моему-то – посчитай, сколько. Двадцатку сразу накидывай: пенсионер. Пен-си-о-нэр! – Мельникова подняла вверх указательный палец и прислушалась к звучанию произнесенного по слогам слова.

– Он по паспорту пенсионер. – Аня с готовностью вступилась за Николая Николаевича. – А душой и телом Гольцову фору даст. Зимой – лыжи, весь год – бассейн, летом – дача. Все время делом занят. За собой следит... Лишнего куска копченой колбасы не съест, потому что вредно.

– Много ты знаешь! – усмехнулась Жанка и передразнила подругу: – «Душой и телом!» Ты бы вот меня спросила, когда у нас с ним это было. Хочешь, скажу?

– Нет, – Аня смутилась.

Невзирая на то, что с Жанной они общались не менее семи лет, с того самого момента, как оказались соседями по дому, обсуждать с ней вопросы интимного свойства она не любила, потому что комментарии Мельниковой всегда были пошлыми и вызвали чувство неловкости. «Не бери в голову, бери – в рот», – советовала Жанна и гордилась собой, потому что, уверяла она всех, ей была присуща особая смелость раскрепощенного человека. «Я не ханжа. Что есть, то и говорю», – объявляла она во всеуслышание и обязательно вплетала крепкое матерное словечко в свою речь, считая использование обценной лексики своей визитной карточкой. Окружающие к Жанкиным выкрутасам привыкли, перестали делать ей замечания, и только Аня Гольцова вводила категорический запрет на использование мата в своем доме: «У нас так не принято!»

«У вас много чего не принято», – бурчала Жанка, но Аню слушалась, потому что знакомством с Гольцовыми по-своему гордилась и при случае ссылалась на дружбу с ними, особенно в кругу своих приятелей по сельхозинституту. То, что Анна была директором Информационного департамента при Администрации губернатора Алынской области, а Толя возглавлял Инспекцию федеральной налоговой службы по Октябрьскому району, Жанна Петровна Мельникова воспринимала как пропуск в мир избранных. Что и понятно: она всегда мечтала о «внедрении» в городскую бизнес-элиту, но туда ее брать не хотели, несмотря на все ее мыслимые и немыслимые ухищрения в виде накладных ногтей и шляпки с вуалью. «Деревня!» – говорили о ней жены бизнесменов и многозначительно переглядывались. В отличие от своих мужей, никогда не пренебрегавших возможностью почесать с Жанкой язык и обменяться парой скабрёзных анекдотов, они Мельникову не любили и приписывали ей такие недостатки, после упоминания о которых человек должен полгода простоять на коленях в покаянных молитвах. Но Жанна не унывала, «держала хвост пистолетом» и продолжала работать над осуществлением мечты. Правда, пока безрезультатно. Но чем черт не шутит!

«Устрой меня в Администрацию, – просила она Гольцову и сразу же предлагала вознаграждение: – Первая зарплата – твоя». «А ты что, думаешь, у нас большие зарплаты?» – посмеивалась Аня. «У вас большие возможности и большие люди по коридорам ходят», – объясняла свое рвение Жанка и выпячивала вперед татуированные по контуру губы. «Господи, Жан, – отмахивалась от нее Анна. – Да зачем они тебе? И потом, они все женатые». «Я тоже замужем», – напоминала ей Мельникова и кокетливо поправляла бретельку. «Тем более... – уходила от необходимости заняться ее трудоустройством Анна и в глубине души жалела Николая Николаевича – хорошего, образованного мужика, возглавлявшего совместное предприятие по производству сухих кормов для животных. – От добра добра не ищут».

Сегодня произнести это вслух Аня не осмелилась.

– Че молчишь? – набычилась Жанна, остановленная подругой на полуслове. – Коляна жалко? Так ведь?

Анна кивнула в знак согласия.

– Правильно, желей. А тебе меня не жалко?

– Ну ты же знала, на что шла, – пожала плечами Аня, и снова перед ее глазами забрезжил многострадальный образ Николая Николаевича.

– Знала, – подтвердила Жанна. – Поэтому и не развожусь с ним. Берегаю, так сказать, наше семейное счастье изо всех сил. В том числе и на стороне, потому что все нормальные люди знают: левак укрепляет брак. Не случайно французы говорят: «Хочешь сохранить отношения с женой – заведи любовницу». В твоём случае – любовника. Советую тебе. Для здоровья необходимо. Опять же – если мужик нормальный, то и материальное удовлетворение присутствует.

– А нормальный мужик – это какой? – заинтересовалась Аня.

– Нормальный – это как твой Гольцов, только с бабками.

– Мой Гольцов не по этому делу, – обиделась за мужа Анна и попробовала посмотреть на него Жанкиными глазами. Результат ей не понравился: Гольцов выглядел соблазнительно. Стало тревожно и показалось, что Жанна знает что-то такое про Гольцова, чего не знает она сама.

– Че, напугалась? – моментально рассекретила Аню Мельникова. – Не бойся. Просто глазыньки-то открой и вокруг себя посмотри. Новый появится – старый раздражать не будет. Прибежишь домой, душик примешь, чулочки спрячешь, ночнушку наденешь – и к Толику под бочок: «Здравствуй, милый. Как дела, милый?» – кривлялась Жанна. – Вот и увидишь: ты спокойная, он спокойный. Тишь да гладь, да божья благодать. Не семья, а загляденье. В общем, Анька, как хочешь, а мужик тебе нужен. Иначе вся жизнь насмарку.

– Можно подумать, без этого нельзя, – воспротивилась полученным рекомендациям Аня, испытывая чувство досады из-за того, что никчемный на первый взгляд разговор лишил ее покоя и заставил всерьез задуматься о той стороне жизни, которая прежде ее никогда не интересовала.

– Нельзя, – вздохнула Жанна. – Иначе на людей начнешь кидаться. Как собака.

– Знаешь, Жан, – Аня очень быстро пожалела, что поделилась своими переживаниями с Мельниковой, и попыталась увести разговор в другую сторону, – я просто устала: губернатор недоволен, Толька в детство впадает, у Игорька – несчастная любовь... А я подстраиваюсь: «Вам так удобно? А так? А может, так?» Вот и срываюсь. А на самом деле – все нормально.

– Конечно, нормально, – с готовностью поддержала ее подруга. – Поэтому не бери в голову, а...

– Помолчи, пожалуйста, – Анна приложила палец к губам, и Жанка тут же повиновалась, хотя раньше пыталась сопротивляться Аниной строгости.

Вначале и, кстати, довольно долгое время Анна Викторовна Гольцова держала Мельникову на расстоянии, обращалась к ней, равно как и к Николаю Николаевичу, на «вы» и не шла дальше обмена номерами телефонов. Не найдя отклика в душе церемонной соседки, Жанна

ринулась в обход и, заметив во дворе возившегося возле машины Гольцова, тут же отправила на прогулку Николая Николаевича, нагрузив того щедрыми дарами, прибывшими из сельской местности: домашние яйца, шмат сала, пол-литра самогонки.

Растерявшийся Гольцов от подношений отказался, но спокойный и доброжелательный Николай Николаевич отмел прочь все возражения и даже донес пакет до подъезда.

– Видите ли, Анатолий, к этому, – он показал глазами на презент, – я лично никакого отношения не имею. Жанна сказала, что с вашей супругой они обо всем договорились, та ждет, а наше с вами дело маленькое: один дал – другой принял. Пусть дамы сами разбираются.

– Пусть, – промямлил Гольцов и принял пакет из рук соседа.

– Неси его обратно, – не на шутку рассердилась Аня. – Никакой договоренности у меня с ней не было. – Назойливость Жанны была неприятна: ей – на дверь, она – в окно.

– Ничего я не понесу, – наотрез отказался Толя исполнить волю жены и, насупившись, уселся за кухонный стол.

– А че там у вас? – заинтересовался четырнадцатилетний Игорь и засунул руку в пакет. – Фу-у-у... – скривился он, как только увидел испачканные куриным пометом яйца. – Это че такое?

– Не че, а что, – автоматически поправила его мать и присоединилась к изучению содержимого пакета. Обнаружив в нем пол-литровую бутылку с самогонкой, она протянула ее Гольцову и криво улыбнулась: – Похоже, это для тебя.

– И это тоже, – быстро сообразил Игорь и принялся к запотевшему свертку: пахло соблазнительно. – Сало!

– И это, Анечка, ты заставляешь меня нести обратно? – Толя облизнулся и подмигнул сыну: – Может, ты сходишь?

– Я че, дурак? – Позиция Игоря сразу стала понятна. – Кто подарки-то отдает? Или сразу не бери, или уж... Короче, дареному коню в зубы не смотрят.

– Слышишь, Анечка, – расплылся в улыбке Гольцов. – Устами младенца глаголет истина.

– Хорош младенец, метр семьдесят три ростом, – проворчала Анна и отправилась к телефону, чтобы поблагодарить хлебосольную соседку, телефон которой отличался от ее собственного ровно на одну цифру. – Здравствуйте, Жанна, – спешно проговорила она, услышав задорный голос дарительницы. – Огромное спасибо. Сколько мы вам должны? – Ане никак не хотелось сокращать дистанцию.

– Вы че, с ума сошли? Нисколько! По-соседски, так сказать, если не хотите по-дружески. – Мельникова упорно гнула свою линию. – Сегодня – мы вам, завтра – вы нам. А самогонка, между прочим, – чисто слеза. Папочка сам гонит. Только для себя.

– Спасибо. – Гольцовой хотелось побыстрее свернуть разговор.

– Кстати, а вы как к шашлыкам относитесь? – Жанна строчила словно из пулемета, нелепо соединяя этикетное «вы» с простецкой интонацией так и не исчезнувшей в ней сельской жительницы. – Мы тут с Коляном подумали: поехали к нам в деревню?

– Куда? – В голосе Анны послышался испуг.

– Ну на дачу, в Дмитровку.

При упоминании о Дмитровке стало немного легче. Это был знаменитый коттеджный поселок, большую половину которого «оккупировала» Москва, а остальная часть молниеносно оказалась раскуплена крупными представителями администрации: директорами заводов, владельцами крупных предприятий. «Элитка», – с гордостью говорила о Дмитровке Жанна. Туда, в загородный дом, как правило, приглашались не только друзья, но и «нужные» люди, которых Жанна стремилась всеми правдами и неправдами превратить сначала в хороших товарищей, а потом в не менее хороших и старательных слуг.

Получив приглашение, Гольцова смутилась: сначала этот безумный пакет с деревенскими продуктами, теперь – шашлыки. Отказываться категорически, прямо в лоб, не поворачивался

язык. Но и соглашаться было страшно, ибо в Жанне она сразу разглядела человека, который, назначив себя в друзья, явится к тебе в дом, примет душ и объявит, что теперь он будет здесь жить.

– Я должна посоветоваться с Толей, – нашлась Аня и пообещала перезвонить.

Как ни странно, предложение Жанны больше всего пришлось по душе обычно застенчивому и не расположенному к легкому приятельству Гольцову:

– Давай съездим, – откликнулся он. – Все-таки соседи.

– Вот и пусть остаются соседями, – попробовала возразить Аня.

– Да ладно тебе, мам, – поддержал отца Игорь. – Эта твоя Жанна прикольная такая. Все время спрашивает меня: «Ну че, пацан, не куришь еще?»

Гольцовы переглянулись.

– Не кипятись. – Толя приобнял жену и испытующе уставился на сына: – А ты?

– А я: «А че, тетя Жан, стрельнуть хотите?»

– А ничего, что перед тобой взрослая женщина? – строго поджала губы Аня.

– А сколько ей? – задал встречный вопрос Игорь.

– Мы с ней ровесницы, – покраснела Аня, почувствовав себя полезным ископаемым в глазах сына. – А ты как думал?

– Да никак я не думал, – вывернулся тот. – Знаешь, у нас в школе училка по технологии такая же! Скоро на пенсию, а она все время из себя девочку строит...

Анна смотрела на сына со странным чувством стеснительности и глубокого женского интереса. Она не помнила себя в свои четырнадцать, не представляла, каким был Толя, но Игорь просто поражал ее какой-то недетской пронизательностью, и это при условии, что он до сих пор играл с отцом в железную дорогу, просочившуюся из далеких семидесятых в двадцать первый век.

– А наша мама, – решил воспользоваться моментом Гольцов, – никогда из себя девочку не строит...

– Ваша мама, – огрызнулась Анна, имея в виду свекровь, – живет в доме через дорогу и в принципе в свои шестьдесят пять уже не может строить из себя девочку.

Гольцов знал, что жена на дух не переносила, когда он называл ее мамой, но тем не менее периодически заговаривался. Иногда даже казалось, что специально, для того, чтобы появился повод в очередной раз рассказать во всеуслышание об Аниных достоинствах: «И молода, и прекрасна, и никак не тянет на мать четырнадцатилетнего сына, и по-прежнему она для него девочка-припевочка, любимая-прелюбимая». И Игорь, надо сказать, всегда с любопытством вслушивался в отцовское соло, а потом как-то раз взял и вставил веское замечание: «Забыл про то, что с первого взгляда». Сначала это его родителей растрогало, а потом дальновидная Анна заподозрила подвох:

– Надоело? – спросила она его в лоб и уставилась на Игоря.

– Ну что ты, мам! Разве может надоесть растянувшееся на столько лет признание в любви?

Тогда Толе ответ сына понравился, а Аню – покорибил. «Что не так?» – думала она ночью и боялась признаться самой себе в том, что слышит в словах сына иронию. «Разве можно насмехаться над нежностью?» – осуждала Анна сына и с жалостью смотрела на похрапывавшего рядом мужа, даже не допуская мысли, что действительно для признания в любви существуют и другие слова, а не только те, которые она знала наизусть. И Игорь тоже знал. И это в свои четырнадцать!

– Я бы на вашем месте поехал, – порекомендовал тогда родителям Игорь. – А че? Халява, считай. Шашлыки-машлыки. Птички, листочки, сосенки.

– Банька... – мечтательно добавил Толя и с надеждой посмотрел на неприступную Анну.

– Правильно, – съязвила она. – Кому – птички, листочки, сосенки, а кому – ненужные откровения посторонних людей.

– А ты подружись с ней, мам, – посоветовал Игорь, – тогда легче будет. Не так обидно всякую глупость слушать, когда ее близкие люди произносят.

Так и завязалась с легкой сыновней руки трудная дружба двух женщин. Периоды отчуждения между ними сменялись периодами интенсивного общения, недовольство друг другом – взаимным любованием. Должно быть, и та, и другая изрядно устали от этих неровных отношений, но разорвать их никак не получалось, потому что каждая, не признаваясь даже себе, искала какую-то свою выгоду, не имевшую ничего общего с материальной. Анна ценила в подруге верность слову, делу и умение держать язык за зубами. Жанна – острый ум Гольцовой в сочетании с особой душевностью. И потом, Анна, в отличие от Жанкиных подруг, с которыми та периодически посещала городские дискотеки для взрослых, категорически отказывалась материться, смаковать интимные подробности и слушать пошлые анекдоты. Это не укладывалось в мельниковское сознание, поэтому вызывало в ней любопытство. Аня же приняла Жанну бесповоротно, когда узнала о ее тайной благотворительности.

Не ставя мужа в известность, а значит, рассчитывая только на себя, та легко оформляла кредиты, чтобы купить стиральную машину для подруги, перенесшей операцию по удалению груди, или телевизор для престарелой учительницы, забытой родными детьми. «Если я им не помогу, кто поможет, Ань?» – просто рассуждала Мельникова и сама же отвечала: «Вот именно, что никто. А ты говоришь!»

– Представляешь! – делилась потом с мужем Анна. – Она еще, ко всему прочему, и благородна. Даже в голове не укладывается! С одной стороны, ведет себя так, что оторопь берет: груба, невоспитанна, демонстративна. С другой – какой-то замаскировавшийся ангел.

– Ты знаешь, а мне Николай Николаевич нравится... – встречно торопился поделиться с женой Толя. – Он почти ровесник моих родителей, а с ним – интересно. Такой спокойный. Хорошие они люди, Ань.

– Хорошие, – соглашалась с ним жена и мысленно благодарила сына за совет: «Если бы не Игорь...»

«Да ты посмотри на нее! – недоумевали Анины подруги, обнаружившие Жанну в гостях у Гольцовых в красной блузке с вырезом до пупка и кожаных шортах поверх колготок цвета загара. – Из деревни-то ее вывезли. А деревню из нее? И потом: что за манера – без приглашения за стол усаживаться? Незнакомым людям «тыкать»? И все тосты произносить на гениальном уровне?»

«Не осуждайте, да не осуждены будете», – иронично парировала старым подружкам Аня, но, так или иначе, за Жанной присматривала, пресекая любые попытки Мельниковой явить себя миру во всей красе. Но Жанка сама прокладывала свой курс в жизни и легко сметала любые преграды на своем пути, поражая негативно настроенных к ней друзей дома Гольцовых веселым нравом и безмерной щедростью. Пять минут знакомства – и чужая компания становилась для нее своей: «Мой дом – ваш дом. Правда, Колян?» И Николаю Николаевичу не оставалось ничего другого, как повторить приглашение жены: «На следующие выходные к нам – в Дмитровку». И вот что самое интересное: приглашенные не просто не отказывались, а с воодушевлением собирались, периодически названивая Ане: «Что с собой брать?»

«Что хотите», – отмахивалась Гольцова и ждала того момента, когда перезвонит Жанна и голосом, не терпящим возражений, скажет: «А вам что, особое приглашение нужно?» И тогда Анатолий спешно заводил машину и мчался с женой ночь-полночь в заветную Дмитровку, чтобы услышать радостный Жанкин вопль: «Анька! Твою мать...» При этом Мельникова не выпускала из рук стакан с пивом и лезла обниматься с таким энтузиазмом, как будто в последний раз виделась с подругой года полтора назад. «Толян!» – раскрывала она объятия и Голь-

цову, а потом вела в дом, к накрытому столу, за которым, распаренные после бани, восседали гольцовские знакомые, не так давно перемывавшие кости прекрасной сельчанке и ее супругу.

– Интересная она у тебя... – делились потом с Аней ее подружки. – Пока мы в бане парились, она наших мужичков собрала, самогонкой угостила и заручилась вечной поддержкой во всех делах.

– Пообещали? – смеялась Анна, неоднократно наблюдавшая нечто подобное в гостях у Мельниковых.

– Пообещали, – с неохотой признавались подружки, после приезда в Дмитровку молниеносно переведенные в должность служанок: «Галочка, давай, накрой на стол, дорогая», «Людок, картошку почисть», «Нарви зелень, Светуля».

– Ну все, девчонки, придется отрабатывать, – пугала их Аня, уверенная, что не сегодня завтра ее подружки взвоют от общения с Жанкой и объединятся перед лицом общего врага, разом отказав той от дома: «Черт бы ее побрал, эту твою Мельникову!» Но жизнь расставляла все по своим местам, и худо или бедно каждый оставался при своих интересах, смирившись с тем, что существует и другая точка зрения. Например, на ту же самую Жанну, для одних – неуютную, для других – желанную. Мало ли что объединяет людей?! – Лично мне она интересна! – заявила Анна Гольцова и отказалась считать Мельникову дурой.

– Наплачешься еще, – предупреждали ее подружки, недоумевавшие по поводу того, что их умнящая Анька приблизила к себе эту самозванку.

– Вам виднее, – саркастически комментировала та все поступающие сигналы и тешила себя надеждой на то, что разбирается в людях.

– Время покажет! – обещали девочки и ждали со дня на день ошибки резидента. Но тот все не ошибался и не ошибался, прочно укрепляя свои позиции и становясь незаменимым в доме Гольцовых. «Ничего не понимаем!» – разводили Анины подружки руками и с надеждой смотрели на Толю, но тот тоже находился под обаянием четы Мельниковых.

– Между прочим, интеллигентный человек – это тот, кто может найти общий язык с любым! Даже со слесарем!

– Меняю слесаря на тетю Жанну, – покатывался Игорь, подмигивая отцу, пытавшемуся справиться с кухонным краном – прогнила прокладка.

– Это, сынок, гордыня. – Анна давала сыну шуточный подзатыльник.

– Гордыня, мамуля, – это когда вы с папиным тетю Жанну за глаза обсуждаете, а потом к ним в Дмитровку на выходные едете как ни в чем не бывало.

После этих слов Гольцовым не осталось ничего другого, как прекратить даже безобидные обсуждения четы Мельниковых и окончательно возвести их в ранг «самых близких друзей дома». Почти родственников. А родственников, как известно, не выбирают. Они уже готовыми достаются. И исправить их невозможно. Да и такой цели Аня перед собой не ставила. Для того дружба и существует, чтобы общаться с открытым забралом, не пряча некрасивого лица. Кстати, Жаннино лицо было прекрасно. И оставалось бы таковым, если бы та не гналась за новомодными тенденциями в области эстетической косметологии: татуаж бровей, татуаж губ, ботокс, инъекции гиалуроновой кислоты и т. д. Все это превращало ее в точную копию тысяч других женщин, прошедших через эти процедуры. Но Жанка, собственно, к этому и стремилась: быть похожей на них было ее заветной мечтой. Только так, верила она, и можно уничтожить проклятое деревенское происхождение, подтверждаемое отметкой в паспорте: «Место рождения – село Собакаево».

* * *

– Ну надо же, Анька, ты столько лет молчала! – Удивилась Жанна, внимательно выслушав жалобы подружки на то, что к сорока трем стало скучно: «Все знаешь, все видела, не надо даже

глаза открывать: и так все ясно, что сейчас происходить будет. Абсолютно одинаково, каждый год, каждый день. Даже тосты за столом одни и те же. И уже сын вырос, ему двадцать третий, а не замечалось столько лет. И тут – вот раз, и как отрезало. Где силы взять на то, чтобы жить дальше? Не подскажешь?» – Где все берут, – расплывшись в улыбке, ответила Мельникова, вдруг почувствовавшая себя довольной от того, что в душе подруги появился разлад, за которым обозначилось общее несовершенство жизни в идеальной семье Гольцовых.

– Опять ты со своим, – раздражаясь, отмахнулась от нее Анна.

– А ты попробуй, – лукаво улыбнулась Жанка и потянулась с кошачьей грацией, не забывая погладить себя по груди. Это ее движение Гольцова хорошо знала. Оно появлялось всякий раз, когда Мельникова была чем-то довольна.

– А с чего ты решила, что я никогда не пробовала? – Анне вдруг стало неловко признаться в отсутствии подобного опыта, хотя раньше, видит бог, она ни о чем подобном не помышляла. Мало того, гнала от себя прочь любой соблазн, потому что это не укладывалось в ее представления о норме. В каких-то вопросах Анна всегда была максималисткой, искренне считая, что если ты замужем, то только *за мужем*. Иначе зачем?

– Как-то мне кажется, – Мельникова ухмыльнулась, – что не пробовала. Толян поди у тебя первый?

А он на самом деле был у Ани первым, но признаваться в этом не хотелось, и она практически возмутилась:

– Почему?

– Ну ты же никогда об этом не рассказывала!

– Ты тоже, судя по всему, о многом не рассказывала.

– Берегла тебя, – серьезно сказала Жанна и уставилась застывшими от многократных инъекций ботокса глазами на подругу: – У меня все просто. Мне с Коляном до конца жизни чалиться. Кто его из семьи увел? Я! Жил бы сейчас мужик со своей Тонькой, внуков бы нянчил. Но я его любила...

– Тогда? – не выдержала Аня.

– Я и сейчас его люблю, – отказалась от подсказки Мельникова. – Просто раньше я его любила как мужика, а сейчас – как ребенка. Ты вот своего Игоряна бросила бы? Вот и я нет. А для здоровья, знаешь ли, хочется. Чтоб молодой. И еще лучше неженатый. И чтоб при деньгах, при тачке. Где такого взять?

– Ну ты же где-то берешь.

– Да брось ты! Откуда? Из неженатых у меня только один на примете – Игорян ваш.

Гольцова заметно напряглась.

– Шучу-шучу! – тут же поспешила ее успокоить Жанна. – Я с родственниками не сплю. И с мужьями подруг тоже. Это железно. Принцип у меня такой. Ты меня знаешь. Так что про Гольцова своего не волнуйся. Толян не в моем вкусе. Это, можно сказать, брат. Кровный родственник. А связь с кровными родственниками знаешь как называется? – Жанка попробовала блеснуть эрудицией.

– Знаю, – Анна незаметно сглотнула комок в горле. – Инцест.

– Вот-вот. Я против инцеста. Так что спите спокойно, дорогие соседи. Жанна Петровна Мельникова слов на ветер не бросает. На чужое не зарится!

Гольцовой стало противно. Что значит «не зарится на чужое» при условии, что неженатых вокруг нет? То есть чужой муж в ее понимании считается чужим только в том случае, если он женат на женщине, с Жанной не знакомой?

– Хватит врать! – осадила Мельникову Аня. – Чужой муж – это всегда чей-то муж.

– Все правильно. Но ведь другие у подруг уводят, – напомнила Жанка. – А я нет.

– Тебя не переспоришь, – сдалась Гольцова и успокоилась: она поверила мельниковским словам, потому что была уверена в ее благородстве и знала, что та действительно придерживается пусть довольно уязвимых с точки зрения морали, но все-таки принципов.

Содержание разговора с подругой Анна переваривала довольно долго. Настолько, что могло показаться: разговор продолжается. Жанна невольно посеяла в ее душе сомнение в устойчивости и благопристойности мира. Поэтому на все Аня пыталась смотреть с двух сторон: со своей и с Жанкиной. И довольно часто сторона подруги брала верх над ее собственной. Проявлялось это на всех уровнях. Неожиданно для себя Гольцова обнаружила, что даже на работе, казалось бы, в серьезном учреждении, в Администрации губернатора, существует ранее неведомая ей параллельная жизнь: кто-то кому-то симпатизировал, кто-то с кем-то спал, кто-то находился в непрерывной переписке с коллегами противоположного пола, и эта переписка носила фривольный характер. Все, даже губернатор, недвусмысленно облизывавшийся при появлении своей молоденькой секретарши, а по совместительству дальней родственницы, думали о сексе, а Анна Викторовна Гольцова старательно барахталась рядом с проплывавшим мимо нее судном под названием «Зовы любви».

– О чем я тебе и говорила, – торжествуя рассмеялась Жанна, как только Аня поделилась с ней своими наблюдениями. – Я в стольких фирмах проработала, и везде одно и то же.

– А у вас? – поинтересовалась Анна у мужа и была обескуражена ответом.

– Так же, как и везде, – не задумываясь, подтвердил Гольцов и с любопытством посмотрел на жену: – А у тебя в Администрации по-другому?

Аня почувствовала себя душой. «Может быть, я слишком много работаю?» – искала она объяснение собственной неосведомленности.

– Мне кажется, – делилась она с мужем, – я одна, кто не заморачивается по этому поводу и спокойно ходит на работу для того, чтобы на ней работать, а не предаваться грезам любви.

– О себе могу сказать то же самое, – вторил ей Толя и любовался женой, излучающей верность и спокойствие. – Мы, Анька, с тобой два анахорета.

– Гольцов, ты глупый. Если у анахорета есть анахорет, то эти оба уже не анахореты.

– Правильно, – неожиданно подал голос из своей комнаты Игорь. – Это мои родители. Если в нашем доме и есть кто-то, кто живет отшельником, то это, простите, я.

– А где же Леночка? – бестактно поинтересовался Гольцов и тут же получил тычок в бок от жены.

– Леночка, папа, подалась в Москву на поиски счастья, – попытался пошутить Игорь, но шутка прозвучала как-то неубедительно.

– А кто тебе мешает последовать ее примеру? – Анна была готова к тому, что сын уедет из Алынска в столицу.

– Вы, – мрачно буркнул Игорь.

– Мы?! – хором возмутились Гольцовы.

– Вы, – подтвердил сын и вышел из своей комнаты. – Вы ж не люди, вы ж старосветские помещики. Последний оплот семейного счастья на материке. Страшно оставлять.

– Да что с нами будет-то?! – захорохорился Толя и браво обнял жену.

– Это не с вами. – Игорь обнял родителей. – Это со мной.

Гольцовы переглянулись, а Аня поцеловала сына в висок: она чувствовала, что тому тяжело. Но Игорь демонстративно бодрился, старательно шутил и не хотел признаваться в истинных чувствах. Боялся расстроить.

– Что за человек! – возмущался Толя, лежа в кровати. – Ну, уехала, ну, бросила. Так догоняй, если любишь?! Если это твоя единственная!

– А кто сказал, что она его единственная? – вступилась за сына Анна. – Уехала и уехала. Раз отпустил, значит, не так уж любит.

– Это ты так думаешь, – не соглашался с женой Гольцов. – А я вижу в нем тебя: такой же гордый. Отказали – оскорбился.

– А ты бы не оскорбился? – живо заинтересовалась Аня.

– Оскорбился бы, – тут же согласился Гольцов. – Но потом все равно бы стал добиваться своего, если уж мы говорим о любви.

– Ну вот представь, – повернулась к нему лицом Анна и приподнялась на локте: – Например, я тебе говорю: «Гольцов! Я тебя разлюбила. И больше с тобой жить не могу. Давай разбежимся». Твои действия? Ты не оскорбишься?

– Оскорблюсь, – Толя игриво приобнял жену. – А потом скажу категорическое «НЕТ» и заставлю влюбиться в себя заново.

– А если я, например, откажусь?

– Тогда я у тебя поинтересуюсь: «А не замешано ли здесь третье лицо?»

– А я, допустим, говорю тебе: «Замешано».

– Тогда я его убью, – посуровел лицом Толя и отодвинулся от жены: разговор перестал ему нравиться.

– А я тебе честно скажу: «Не надо убивать, мы любим друг друга и хотим жить вместе».

– Тогда я убью тебя, – проворчал Гольцов. – И женюсь на Жанке.

– А Николай Николаевич? – живо заинтересовалась Аня судьбой Мельникова.

– А это не он часом третье лицо? – буркнул Анатолий.

– А почему ты спрашиваешь?

– Потому что я вижу: ты ему нравишься.

– Я?! – рассмеялась Аня и уткнулась мужу в плечо.

– А ты что, не видишь? Он с тебя глаз не сводит, когда ты что-то говоришь. И только на тебя и смотрит, если сам что-то рассказывает. Заметь, не на жену, а на тебя!

– Знаешь, Толик, этому есть очень простое объяснение, – Анна села в кровати.

– И какое же? – скривился Гольцов.

– Очень простое. Я ему, в отличие от Жанны, не хамлю и не затыкаю рот, как только он его раскроет. Я просто его слушаю. А любому человеку нравится, когда его слушают, не перебивая. Но дело не в этом. Я спросила тебя, что ты будешь делать.

– Я же сказал: убью и женюсь.

– А почему тогда на Жанне? Она что, тебе нравится?

– Ничего она мне не нравится! – возмутился Толя и поправил стоявшую на прикроватной тумбочке их с Аней свадебную фотографию. – Просто к слову пришлось...

– Бывает, – пожала плечами Анна и начала устроиваться в постели поудобнее. – Я спать.

– Спа-ать? – разочарованно протянул Толя, перевозбужденный от одной только мысли, что его жена может испытывать нежные чувства к кому-нибудь другому. – Интересно ты, Аня, поступаешь. Сначала, главное, испортила мне настроение, а потом взяла и повернулась и сказала: «Спать».

– Это чем это я тебе настроение испортила? – не поворачиваясь к мужу, пробормотала Аня.

– Все тем же, – разобиделся Анатолий и накрылся с головой одеялом.

– Не дури, пожалуйста, – попросила его жена, но он не подал и вида, что ее услышал.

«Не хочешь, как хочешь», – подумала Анна и выключила свет, чтобы побыстрее избавиться от скопившегося за время бессмысленного разговора раздражения. Спустя пять минут до нее донеслось мерное посапывание Гольцова, и она искренне ему позавидовала: «Вот уж точно – сон подушки не ищет». Сама же Аня не могла уснуть довольно долго, но особых мучений от этого не испытывала, потому что старательно вспоминала все, что в ее взрослой жизни могло привести к отношениям вне брака.

Первым на память пришел Саша Хапман – преподаватель с факультета физической культуры и спорта, молодой, глупый и гордый своим телесным совершенством. Они встретились с ним, когда Анна уже была с Гольцовым, но, в отличие от своих сокурсниц, не торопилась впадать в беременность и планомерно двигалась к окончанию института, мечтая о карьере юриста. Знакомство состоялось на пляже, куда Аня устремлялась всякий раз, когда выпадала свободная минутка: уж очень хотелось ровного загара, на фоне которого так хороши бирюзовые платья, белые сарафаны и выгоревшие на солнце пепельные волосы.

Физкультурник не верил, что она замужем, и настоятельно приглашал в гости, благо жил неподалеку от городского пляжа, на знаменитом Веселовском спуске, где когда-то селилась городская беднота, а теперь – строились дома тех, кого принято было называть новыми русскими. К их числу Саша Хапман не принадлежал, но соседством с ними по-плебейски гордился.

Как Анна оказалась у него дома, она уже не помнила. Зато как оттуда бежала, не забудет никогда: до сих пор шрам на коленке. И вроде бы физкультурник был хорош собой, и нежен, и старался понравиться, но вот это: «Посиди ишшо», постеры с культуристами на стенах и его смуглая рука, жадно мнущая ткань ее белоснежного сарафана, – вызывали тошноту.

Толе сказала, что перегрелась на солнце, и не ходила на пляж неделю. А потом – еще неделю. И все это время Саша Хапман искал ее взглядом, но не забывал и о других – молодых и загоревших, открытых для отношений, без всяких предрассудков и условностей. «Свято место пусто не бывает», – фыркнула себе под нос Аня, заприметив поклонника в обнимку с белобрысой девицей, без смущения закинувшей на того свою смуглую ногу. «Здрасте», – мяукнул ей снизу спортсмен и сделал попытку встать с покрывала, но девица ловко пресекла все попытки, заткнув ему рот огненным поцелуем.

Второй случай произошел с Анной годом позже, когда сдавали госэкзамены. Проходили они на фоне скандальной смены руководства факультета, грозившей обернуться провалом для тех студентов, которые числились в любимчиках у старого декана. Аня была из их числа, потому что поступала в институт под патронажем великолепного Аркадия Дмитриевича и писала у него диплом. Новый – Вячеслав Александрович Рыкалин, из бывших милицейских начальников, – сразу невзлюбил птенцов Аркашиного гнезда и пообещал показать, где раки зимуют, всем без исключения. «Успокойся», – убеждал жену Гольцов и обещал вступить, как только возникнет очевидная необходимость. Но когда она возникла, Аня предпочла скрыть сам факт ее существования и не сказала мужу ни слова о том, как новый декан пригласил претендентку на красный диплом к себе в кабинет, повернул ключ в замке и открытым текстом объяснил, что и в какой последовательности необходимо сделать. Был продиктован адрес, высказаны пожелания по цвету белья, и в качестве последнего напутствия бывший милиционер произнес следующее: «А иначе...» «Иначе что?» – побледнев, переспросила декана Аня. «Иначе встретимся в следующем году», – глядя точно в глаза, пояснил руководитель факультета и самодовольно улыбнулся. Эта улыбка привела Аню в бешенство, и она, словно из пулемета, перечислила все возможные аргументы из Уголовного и Гражданского кодексов с точным воспроизведением номеров статей и их пунктов. «Все сказала?» – в отличие от славного Аркадия Дмитриевича этот со всеми был на «ты». «Все!» – по-армейски рявкнула Анна и, браво повернувшись на каблуках, направилась к двери, чтобы рвануть ее на себя. «Закрыто», – тихо произнес Рыкалин у нее за спиной, и Ане стало страшно, хотелось по-бабьи заорать: «Помогите!» Но вместо этого она тихо потребовала: «Откройте дверь». И посуровевший лицом бывший милиционер встал, неспешно подошел к дверям, спокойно повернул ключ в замке и сделал шаг в сторону: выходи. «Как в камере», – подумала Анна и вместо того, чтобы толкнуть дверь, встала как вкопанная.

Декан смерил ее взглядом с ног до головы и аккуратно распахнул дверь: Аня вышла не оборачиваясь, а потом сидела в курилке на техническом этаже и молча глотала слезы. «Может,

морду кому набить?» – предложил восстановившийся на факультете после армии оперуполномоченный Цыпленков, и Анна истерически засмеялась, представив его, маленького и полулысого, в кабинете у мерзавца Рыкалина, известного своим крутым нравом и не менее «крутым» весом. «А че... – помрачнел Цыпленков. – Я могу». «Я тоже», – всхлипнула Аня и поднялась. «Давай, юбку отряхну», – предложил сокурсник и действительно потянулся. «Я сама», – перехватила его руку Гольцова, даже не заметив плотоядного взгляда низкорослого Цыпленкова. «Господи, если бы у меня была такая фамилия, я бы удавилась», – захотелось Анне поделиться своими соображениями с парнем, но она вовремя остановилась и с жалостью посмотрела на сокурсника: «Пусть живет».

Видимо, этим же руководствовался и декан юридического факультета, когда объявлял результаты защиты студенческих дипломов. «Гольцова... – словно нарочно он взял долгую паузу, – «отлично». И Аня не поверила своим ушам и даже не подняла головы, потому что не знала, как вести себя в этой ситуации: то ли радоваться, то ли печалиться. «Анька! – кружил ее потом в коридоре взволнованный Толя. – Я же говорил тебе: все будет хорошо! А ты не верила!» «А зря», – бросил через плечо проходивший мимо декан, а потом остановился и, с завистью глядя на Анатолия, добавил: «У такой женщины, как ваша жена, все должно быть хорошо». «Спасибо», – смутилась тогда Анна, поймав себя на мысли о том, что ненависть к Рыкалину улетучивается прямо на глазах. Мало того, отважилась она признаться себе, ей по-своему льстило его замечание: «У такой женщины, как ваша жена...» Повторяя эту фразу про себя, Анна сроднилась с незримым присутствием бывшего милиционера и, наверное, поэтому практически не удивилась его звонку по поводу трудоустройства. Хотя нет, удивилась, но не столько звонку, сколько ответу на главный, по ее мнению, вопрос: «Что я буду должна?» «Ниче», – как-то неформально, по-студенчески буркнул декан и проложил бывшей студентке дорогу в городскую прокуратуру, где Анна, впрочем, не задержалась и плавно переместилась тогда в экспертно-аналитический отдел областной Администрации, впоследствии названный Информационным департаментом при губернаторе Алынской области. Тоже, кстати, не без содействия Рыкалина.

До Ани потом неоднократно доносились леденящие душу истории о том, как знаменитый декан юрфака, злоупотребляя служебным положением, «выпускал в свет» то одну факультетскую красавицу, то другую. И Гольцова им верила, потому что сама могла пройти через нечто подобное. Но смущало другое: отсутствие жалоб со стороны пострадавших. Тогда Аня пересмотрела свое отношение к Рыкалину, определившему ее карьеру, и наконец-то задала ему, уже изрядно постаревшему, мучивший ее вопрос: «А почему?» «Правда, не понимаешь, Анна Викторовна?» – недобро улыбнулся ей Вячеслав Александрович, а потом, хлопнув себя по груди, в сердцах выпалил: «Вот здесь ты у меня... Сколько лет!»

«Сколько?» – мысленно попробовала определить Гольцова, но в волнении никак не могла посчитать и, сидя на совещании у губернатора, считала в столбик, отнимая из 2010 1994. «Шестнадцать!» – ахнула про себя Анна и уставилась в окно: шестнадцать лет Рыкалин присутствовал в ее жизни, так и не став ни другом, ни любовником.

«А ведь мог», – подумала Аня и прислушалась к дыханию мужа: оно было спокойным и ровным. «Лежит и даже не догадывается», – она вдруг разозлилась на Гольцова и тепло подумала о Вячеславе Александровиче, ушедшем из жизни три года тому назад. «Больше ко мне так не относился никто», – с сожалением призналась себе Анна и попыталась представить перед собой Рыкалина, но вместо декана юрфака перед глазами вставал травматолог Веретенников, третий по счету поклонник, который до сих пор напоминал о себе идиотскими эсэмэс: «Вы замечательная», «Видел вас из окна машины: прекрасно выглядите», «Приходила на прием женщина с ребенком. Почувствовал запах ваших духов. Вы сексуальная».

Довольно часто не хватало терпения дочитать эсэмэс до конца: невероятно раздражала дурацкая манера Веретенникова не ставить знаков препинания. И Аня безжалостно нажимала на значок «удалить», даже не утруждая себя ответом.

Но так было не всегда. Было время, когда Анна не могла обходиться без этого человека, потому что от него, так она думала, зависело здоровье маленького Игоря.

Андрей Николаевич Веретенников, по всей вероятности, был прекрасным травматологом. А может, и не прекрасным. И уж точно не единственным. Но напуганная Аня считала по-другому и звонила ему всякий раз, как только с Игорем что-то случалось. Белый халат Веретенникова действовал на нее успокаивающе. Да и как могло быть по-другому?! Это же он обнаружил врачебную ошибку: неправильно наложенный гипс, смещение и предложил Гольцовым прооперировать сына, хотя в его обязанности это не входило, просто попросил коллега: «Проконтролируй, все равно твое дежурство». Вот он и проконтролировал, и сказал родителям Игоря правду, и блестяще провел операцию, и стал доверенным лицом. И все это в обмен на конфликт с недоумевающими коллегами, ибо нарушил врачебную солидарность, вынес сор из избы.

Помнится, Аня тогда «подняла на уши» всю Администрацию, включая самого губернатора, не поленившегося приехать в детскую многопрофильную больницу, чтобы на месте разобраться и восстановить порядок. Последствия визита главы Администрации Алынской области – отдельная двухкомнатная палата, ежедневные визиты начмеда, главврача и заведующего травматологическим отделением, свободные, не зависящие от расписания часов приема посещения друзей и родственников – значительно облегчили пребывание матери и сына в больнице, но осложнили и без того непростые отношения Веретенникова с коллегами.

Впрочем, это не помешало Андрею Николаевичу влюбиться в Анну Викторовну и признаться ей в этом. Случись это при других обстоятельствах, и Аня точно бы уж разглядела, насколько несимпатичен травматолог Веретенников: хамоват, надменен, многословен. Но белый халат сделал свое волшебное дело, и растворившаяся в благодарности мамаша простила травматологу даже цветастый полиэтиленовый пакет, в котором тот приносил на дежурство банки с едой.

Тревогу тогда забил измученный материнскими истериками Игорь, всерьез задумавшийся о том, почему дядя доктор приходит к маме ночью, чтобы поговорить о его здоровье. «И часто, сынок, дядя доктор это делает?» – мрачно поинтересовался Гольцов, заподозривший неладное. «Всегда», – преувеличил Игорь, и Анатолий, ни слова не говоря, отправился на пост изучать график дежурств врачей травматологического отделения детской многопрофильной больницы города Алынска.

Сама Анна ничего предосудительного в целомудренных беседах с врачом, спасшим руку их сына, не видела и потому искренне оскорбилась, когда муж недвусмысленно высказал свое неудовольствие. «Гольцов! – возмутилась она. – Ты дурак?! Ты о чем вообще думаешь?!»

А мысли Толика, между прочим, неслись в нужном направлении, и Аня стала это понимать довольно скоро, потому что Андрей Николаевич, обзаведясь номером ее телефона, все чаще и чаще присылал ей эсэмэс с предложениями о встрече. Они даже сходили в кафе, где довольно-таки мило провели время за приятной беседой о причинах и последствиях супружеского адюльтера, а потом дело застопорилось, потому что озверевший от Аниной медлительности Веретенников направил ей текст, в котором с хирургической точностью описал все ощущения, отмеченные им в своем теле, когда он представлял... И дальше шло, что именно представлял, как и каким способом.

У Гольцовой тогда пропал дар речи, и она в течение всего рабочего дня периодически перечитывала откровенный текст и даже чувствовала определенное возбуждение. Но с ответом Анна не торопилась и на прямые предложения не отвечала до тех пор, пока Веретенников не

подъехал к воротам областной Администрации и не позвонил, чтобы она спустилась со своего третьего этажа.

Ровно пять минут Аня думала, что скажет Андрею Николаевичу. Еще пять решала: ходить или не ходить.

В результате пошла, села в машину, открыла рот, чтобы расставить все точки над *i*, и обнаружила, что у Веретенникова расстегнуты брюки и спущены плавки. Он перехватил ее взгляд и, властно взяв за руку, объявил: «Больше не могу. Хоть так, – Андрей Николаевич потянул ее на себя: – Давай...»

«Мы на «ты»?» – Анна сама не понимала, откуда берутся силы к сопротивлению. «Теперь – да», – Веретенников закрыл глаза, будучи уверенным в том, что сейчас Аня сделает все так, как он хочет. «Что-то не припомню», – ответила она и вырвала свою руку.

Больше они не виделись, хотя эсэмэс продолжали приходить с завидной регулярностью по несколько раз в год: на Анин день рождения, на Новый год, Рождество, 8 Марта, Пасху и День Победы. И в пяти случаях из шести Гольцова писала в ответ одно и то же слово – «Взаимно». Порой Андрей Николаевич выбивался из графика, отправляя на два-три сообщения больше, но Анна легко расставалась с не прочитанными до конца эсэмэс, нажимая на заветную клавишу, уничтожавшую все то, что Гольцовой казалось лишним.

«Одна, но пламенная страсть», – подшучивал над женой Толик, давно поменявший ревность на снисходительность к женскому тщеславию. «Я свою жену понимаю, – делился Гольцов с Николаем Николаевичем, мужем Жанны. – Какой женщине не хочется, чтобы ей оказывали знаки внимания? Мелочь, а приятно», – вспоминал он об эсэмэсках Веретенникова и чувствовал себя невероятно благородным, и то потому, что не был знаком с истинным положением вещей.

Больше вспоминать было не о ком. «Я не воспользовалась ни одной возможностью из числа тех, что мне предоставила судьба», – сделала вывод Анна и повернулась к Гольцову. Анатолий даже сквозь сон почувствовал, как супруга прильнула к нему, и тут же отозвался, ощупывая ее колени. Аня знала, что за этим последует, и сердито шикнула: «Спи давай. Завтра рано вставать». «Утром?» – пробормотал Толик, зная, что особенно в эти часы жена вспыхивает, как спичка, от любого прикосновения. «Утром-утром», – пообещала ему Аня и сознательно развернулась к мужу спиной, чтобы скорее заснуть.

* * *

Утро ворвалось в дом телефонным звонком. «Что-то случилось!» – вскочила с кровати Аня и, обернувшись простынею, понеслась в коридор, чуть не сбив Игоря с ног.

– Алло! – прокричала Анна в трубку, но вместо ответа услышала короткие гудки.

– Кто? – зевнув, поинтересовался Игорь и почесал подбородок, пытаясь на ощупь определить величину щетины: он отращивал бороду.

– Откуда я знаю? – вспыхнула мать и хлопнула трубку на рычаг. – Вы с отцом так до сих пор и не установили определитель номера.

– Мы установили, – напомнил ей сын, – но кое-кто до сих пор не оплатил эту услугу.

– Скажи об этом своему отцу, – буркнула Аня и, чмокнув сына в лоб, проворчала: – Доброе утро.

– Очень доброе, – саркастически ответил ей Игорь и поспешил в ванную комнату.

– Я первая, – оттолкнула сына Анна и постаралась его опередить.

– Не спорьте, – подал голос Гольцов, имевший право первого визита в «комнату со всеми удобствами».

– Куплю себе биотуалет, – проворчал Игорь, но право отца оспаривать не стал и, подпрыгнув, повис на турнике, помня о рекомендациях испарившейся Леночки, призывавшей его к здоровому образу жизни.

– Помогает? – поинтересовалась Анна, со стороны напоминая греческое изваяние женщины в хитоне.

– Попробуй, – предложил ей сын и подвинулся, освобождая место на турнике.

– Как ты себе это представляешь? – поинтересовалась Аня, придерживающая одной рукой свое импровизированное одеяние.

– Слушай, мам, – Игорь спрыгнул вниз. – Я, конечно, не знаю, но что это за привычка у вас, у женщин, спать без всего? Объясни мне, зачем вы тогда все эту розово-голубую фигию покупаете, чтобы потом ею не пользоваться?

Вопрос застал Аню врасплох, и, чтобы не выдать собственной растерянности, она автоматически выпалила:

– А сам ты что по этому поводу думаешь?

– Мам, я тебя умоляю. Неужели ты до сих пор не поняла, что, как только ты задаешь мне вопрос: «А сам ты что думаешь по этому поводу?», я сразу догадываюсь, что тебе нечего мне сказать?

– Ну почему же нечего, – приняла вызов Анна. – Очень даже есть что. Во-первых, не мог бы ты уточнить, какое количество женщин продемонстрировали тебе «розово-голубую фигию», чтобы я могла доверять твоим данным. Во-вторых, позволь тебе задать вопрос: почему в присутствии женщины, то есть меня, ты ходишь в трусах, да еще с изображением совокупляющихся кроликов? И в-третьих, с каких пор, Игоречек, ты стал так неадекватно реагировать на обнаженные женские руки и плечи, причем материнские? Или я уже выгляжу так, что мой собственный сын испытывает чувство неловкости?

– Один – ноль в твою пользу, – сдался Игорь и спрыгнул с турника, чтобы сменить отца в заветной комнате, но Аня ловко проскользнула мимо сына и, ласково шлепнув того по плечу, объявила, что сейчас ее очередь.

– Даже не обсуждается, – поддержал жену Анатолий, явивший миру чисто выбритое лицо и хорошее настроение: – Доброе утро, Анята.

– Угу, – Аня увернулась от поцелуя и мгновенно скрылась за дверью в ванную комнату.

– По-моему, это геноцид, – пожаловался отцу Игорь и тут же нарвался на замечание:

– А ты что в трусах при матери ходишь?

– А ты? – не остался в долгу ущемленный в правах молодой человек.

– Мне можно, – заявил Гольцов. – Я ей муж.

– А я сын. Можно сказать, единственный среди вас кровный родственник. Поэтому имею право, ибо плоть от плоти, и в этом нет ничего постыдного.

– Посмотри на себя, плоть от плоти, – подмигнул отец сыну и показал глазами на увеличившееся в размерах причинное место. – Утро, юноша!

– Блин, пап, – охнул Игорь и метнулся в комнату, откуда появился в шортах и в майке.

– Ну, обнаженный торс не может выступать компрометирующим фактором, – одобрил сына Гольцов и, насвистывая, удалился готовить завтрак, который сам, между прочим, и съедал, потому что Аня с утра обходилась чашкой кофе, а сын по примеру Леночки игнорировал нездоровую пищу в виде яичницы, сосисок и бутербродов с колбасой.

– Зачем ты так много готовишь, Толя? – миролюбиво поинтересовалась у мужа Анна, смакуя свой кофе со сливками и параллельно наводя «парад на фасад». – Уже пятое яйцо бухаешь на сковородку. Ты же столько не съешь!

– Ты съешь, – ответил ей Анатолий, предусмотрительно убавляя огонь под готовившейся яичницей.

– Я?! – Аня чуть не выронила из рук кисточку от туши.

– Иногда, Аня, нужно отходить от заведенных правил и совершать неожиданные поступки. Пора отказываться от чрезмерной традиционности, – провозгласил Гольцов и, уставившись на жену, подчеркнул: – И не только, кстати, в еде.

– Да неужели?! – ехидно воскликнула Анна. – И это говорит мне человек, который каждое утро готовит завтрак на троих, но ест его сам?

– Да, дорогая, – принял вызов Анатолий. – Это говорит тебе человек, который к своим сорока пяти годам неожиданно понял, что традиция – это тормоз в развитии человечества. И я решил меняться!

– Поэтому ты и приготовил завтрак в своем духе, – подколола мужа Аня. – На себя, на меня и на того – она показала глазами на дверь в ванную, – парня.

Анатолий не успел ответить жене – зазвонил телефон. Трубку взял вылетевший на звонок из ванны Игорь, и по тому, как менялась интонация, с которой он говорил, стало ясно – звонили не ему.

– По-видимому, Жанна, – предположила Аня и вопрошающе посмотрела на входившего в кухню сына.

– Теть Жанна, – не дожидаясь ответа, уныло сообщил Игорь, и Гольцовы переглянулись – очевидно, их сын ждал звонка от другого абонента.

– Чего хотела? – поинтересовалась Анна.

– Да я так и не понял, – пожал плечами младший Гольцов и полез в шкаф за мюсли: – Сначала чего-то говорила про доброе утро, потом спрашивала, где вы, потом сказала, что не может говорить, типа у нее звонит сотовый, а потом предложила пива попить в Дмитровке.

– Пива попить? – не поверила своим ушам Аня.

– Да, а че такого? – удивился материнской реакции Игорь.

– Ну как бы ты наш сын, – начала разьяснять обескураженная Анна.

– Ну и что, что я ваш сын! Ничто человеческое мне не чуждо.

– А, по-моему, очень даже чуждо, – включился Анатолий, тоже недовольный тем, о чем поведал Игорь. Гольцову так же, как и его жене, показался странным интерес Жанны к их двадцатидвухлетнему сыну, да еще в таком контексте – «пива попить».

– Например? – Игорь зацепился за «чуждо» и потребовал объяснений.

– Тебе сказать? – Глаза Гольцова сузились, и Аня напряглась: она знала это выражение мужнего лица. Как только оно появлялось, нельзя было оставаться уверенной в благополучном разрешении конфликта. И не то чтобы Анатолий становился агрессивным и лез на рожон, провоцируя других делать то же самое. Нет! Он просто входил в образ непримиримого воина и начинал клеймить всех и вся в округе, невзирая на лица. Таких вспышек гнева Анна по понятным причинам побаивалась, поэтому делала все, чтобы погасить их на корню.

– Скажи лучше мне, – Аня попробовала перевести внимание мужа на себя.

– Тебе я тоже скажу, – стало ясно: супруга не остановить.

– А че случилось-то? – Игорь никак не мог взять в толк, откуда такая реакция на обыкновенный рассказ по поводу телефонного звонка.

– Я запрещаю тебе строить какие-либо отношения с тетей Жанной, – строго, по-учительски, проговорил Анатолий и только собрался объяснить почему, как сын, уставившись на отца такими же сузившимися глазами (гольцовский знак), ехидно поинтересовался:

– Для себя бережешь?

Гольцов осекся, беспомощно взглянул на жену, а потом побагровел и членораздельно, буквально по слогам, проговорил:

– Я сей-час... набыю те-бе мор-ду.

– За что-о-о? – завопил двадцатидвухлетний недоросль и спрятался за материнскую спину: дело приобрело фарсовый характер.

– Извинись, – побледневшая Анна повернулась к сыну.

– За что? – с лица Игоря исчезло шkodливое выражение.

– За то! – зашипел на сына отец и шлепнул того свернутым вдвое полотенцем.

– Блин, мам, чего он от меня хочет? – запросил подмоги Игорь.

– Разбирайтесь сами, – отмахнулась от сына Аня и, не допив кофе, покинула кухню.

– Чего это с ней? – удивился младший Гольцов и тут же получил полотенцем по плечу. – Да что я сделал-то?!

– Объясняю, – предупредил Анатолий и, минуя историю с предложением «попить пива», воспроизвел тот фрагмент их разговора, где сын имел неосторожность задать идиотский, «просто невозможный», как определил его Гольцов, вопрос: «Для себя бережешь?»

– Бли-и-ин, вот я дурак, па, – застонал Игорь. – Ты ж понимаешь, это автоматически, нечаянно, просто вылетело, сам даже не знаю, как... – начал оправдываться он, но, как только за Аней хлопнула входная дверь, замолчал.

– Слышал? – старший Гольцов расстроился.

– Ну извини, пап, – Игорь виновато посмотрел на отца. – Правда, не специально.

– Да я-то что, – развел руками Анатолий, – мать вот твоя обиделась. Перед ней извиняйся.

Игорь насупился. И отец, и сын побаивались, когда Аня на них обижалась, потому что, в отличие от других жен и матерей, она не спешила ничего объяснять, не требовала извинений, не вела долгих разговоров по поводу того, как тяжело одной женщине с двумя невыносимыми мужиками. Она просто игнорировала своих мужчин и делала это с такой холодной вежливостью, что Игорь, в детстве ходивший за матерью по пятам, просто умолял ее: «Мам, ну хочешь, я сам в угол встану» или «Мам, вот ремень, хочешь – ударь». Но Анна аккуратно обходила заглядывавшего ей в глаза сына и спокойно отводила протянутую руку с ремнем, чтобы оставить маленького Игоря наедине с его терзаниями: «Пусть помучается», казалось, говорил весь ее вид.

«Это жестоко, Анечка», – изредка, если становилась свидетелем экзекуции, пыталась ей сделать замечание мама, но, встретившись взглядом с дочерью, тут же опускала глаза и отказывалась от первоначального замысла. Иногда Людмила Дмитриевна про себя называла дочь Железной леди, но вслух ничего подобного не произносила, зная, что сама может попасть под раздачу. Конечно, по отношению к матери ничего подобного Аня никогда бы себе не позволила, но выражение ее лица становилось в момент обиды на близких таковым, что могло показаться: вся боль мира заключена в этих страдающих глазах. Какая мать выдержит?!

Когда детство миновало, Игорь, в отличие от своего отца, научился переживать происходящее по-другому. «Началось», – объявлял он во всеуслышание и запирался у себя в комнате, чтобы не видеть скорбно-равнодушного Аниного лица. Но мужества, с каким он закрывал за собой дверь, отделявшую его от обиженной матери, хватало ненадолго, и вскоре он выходил из своего убежища, чертыхаясь про себя, шел к родительской спальне, если чувствовал, что Анна там, и скребся в дверь со словами: «Мамуль, ну хватит. Правда. Виноват. Каюсь». Большая половина этих слов была подслушана им у Анатолия, но Игорю казалось, что так и надо: вроде они с отцом приносят свои извинения вместе.

Со временем, когда в жизни Игоря появились первые серьезные, как их называла Людмила Дмитриевна, отношения с женщинами, ему все больше и больше стало казаться, что мать несколько подзадержалась в детско-подростковой поре его воспитания. И тогда он осмелился на серьезный разговор с ней, о чем впоследствии сильно пожалел, потому что убедился: «подзадержались» не только родители, но и он сам. Во всяком случае, собственная реакция на укоризненно вопрошающие глаза матери его в этом убедила. Тем не менее самое главное он все-таки произнес: «Когда ты так на меня смотришь, не говоря ни слова, я чувствую себя последним мерзавцем. А ведь я не сделал ничего такого, чтобы испытывать подобные чувства». «Зато я никогда не повысила на тебя голос, и не подняла руки, и не унизила тебя описанием твоих промахов. Я всегда давала тебе время на то, чтобы ты сам осознал собственные ошибки», –

возразила ему тогда Анна и получила в ответ фразу, которую переваривала несколько дней: «Лучше бы ты на меня орала. Или даже отлупила. Это было бы понятно. А ты, всегда щедрая на разговоры по душам, протестовавшая против любых запретных тем, вдруг замолкала, а я вместо того, чтобы сосредоточиться на своих, как ты не скажешь, промахах, приписывал себе страшные грехи, потому что не понимал, за что ты лишаешь меня своей любви». «Ты никогда не говорил мне об этом», – смутилась Аня и посмотрела на сына с любопытством: он снова сумел удивить ее. «Ты никогда не давала мне возможности это сделать», – ввернул Игорь и отплатил матери ее же монетой: развернулся и вышел, оставив ее один на один со своими мыслями.

Примерно в таком же положении она оказалась и сегодня, когда услышала это невыносимое «Для себя бережешь?». И хотя Аня знала, что в этой фразе нет ничего, что могло бы свидетельствовать о надвигающейся опасности, но чем дальше она уходила от дома, тем тревожнее ей становилось. Наконец Анна не выдержала и остановилась, чтобы достать из сумки сотовый телефон – сработало напоминание: «Руслан Викентьевич Бравин. Поздравить. 55 лет».

«Точно», – встрепелась Анна и тут же перезвонила своему секретарю, чтобы та заказала букет для юбиляра, которого она от силы пару раз видела на совещаниях у губернатора. Но это ничего не меняло, потому что в Администрации существовало железное правило чествовать именинников, введенное руководством для укрепления корпоративного духа сотрудников. Опустив телефон в сумку, Аня вспомнила, что собиралась позвонить мужу, потому что было как-то не по себе, оттого что ушла, не попрощавшись и не пожелав хорошего дня. Странно, но она почему-то чувствовала себя не столько обиженной, сколько виноватой. Возможно, потому, что полночи провела за тем, что вспоминала своих несостоявшихся любовников, отчего возникло ощущение, что если и не изменила мужу физически, то виртуально сделала это сегодняшней ночью по крайней мере дважды.

– Толя. – Гольцов схватил трубку с первым же гудком.

– Да, Анютка. Что-то забыла?

– Забыла, – капризно произнесла Аня. – Забыла поцеловать тебя перед уходом и пожелать хорошего дня.

– Целуй, – приказал открывавший машину Анатолий и замер с телефоном у уха.

– Целую. – Аня в самом деле добросовестно поцеловала трубку, откуда доносился голос мужа. – Ты уже на работе?

– Нет, – пояснил супруг. – Игоря жду, и выезжаем.

– А что так долго? – удивилась Анна, зная привычку Гольцова всегда являться вовремя: минуту в минуту.

– Да приспичило парню, – хихикнул Анатолий. – С расстройства, наверное. Ты уж на него, Анюта, не сердись. Он же дурак. Сначала ляпнет – потом думает.

– Я не сержусь, – легко согласилась с мужем Аня, и ее обида молниеносно улетучилась после слов «С расстройства, наверное».

– Садись, – прошептал подошедшему сыну Гольцов и уселся за руль. – Анют, все. Опоздываю. Созвонимся ближе к обеду.

– Пока, – попрощалась с мужем Аня, и связь прервалась.

– Мама. – Анатолий показал сыну телефон и завел машину.

– Чья? – копируя Анну, уточнил Игорь.

– Твоя, конечно, – Гольцов не почувствовал подвоха. – Анечка моя. Ты понимаешь, – он в волнении повернулся к сыну, – я живу с ней уже двадцать с лишним лет, а до сих пор... как в первый раз, блин. Волнуюсь, когда ее с работы встречаю. Ни о ком другом думать не могу. Она у меня первая и последняя. И другой не надо...

Игорь, внимательно выслушав отца, в ответ не проронил ни слова и, включив радио, откинулся на спинку кресла, чтобы потом неожиданно спросить:

– Надо полагать, до мамы у тебя было много женщин?

– Почему ты так думаешь? – не поворачивая головы в сторону сына, поинтересовался Анатолий.

– Скажу, если не обидишься, – предупредил Игорь, искоса взглянув на отца, сидевшего за рулем.

– Может, лучше не надо? – сразу же пресек энтузиазм сына Гольцов, вспомнив об утреннем инциденте.

– Не хочешь, как хочешь, – легко согласился с ним Игорь и потянулся.

– Не хочу, – подтвердил Анатолий и притормозил возле работы сына: – Вы прибыли по месту назначения. Карета подана, милости прошу.

Игорь не пошевелился.

– Слушай, Игорек, что с тобой? – Гольцов легко коснулся его плеча. – По Лене скучаешь?

– Скучаю, – тот закрыл глаза.

– Да брось ты! Ты ж мужик! Знаешь, сколько у тебя таких Ленок будет?! Сто!

– Как у тебя до мамы? – В голосе Игоря не было вызова.

– Твоя мать у меня первая, я правду сказал...

– Тогда как ты можешь мне давать советы? – взвился младший Гольцов: «Ты ж мужик! Сколько у тебя таких Ленок будет? Сто!»

– Очень просто, – Анатолий пообещал себе держать себя в руках. Да и потом, ему было искренне жаль сына, так по-детски переживавшего разрыв с Леночкой, которую лично он даже не видел. – Я знаю жизнь. И много раз видел, как это происходит у других.

– Вот именно, что у других, – в сердцах заметил Игорь.

– А неужели бы ты хотел, чтобы это происходило в моей жизни?

– А неужели ты никогда не хотел, чтобы в твоей жизни хоть что-нибудь подобное происходило?! Ты ж мужик! – Игоря понесло. – Альфа-самец! Можешь выбирать! А ты двадцать с лишним лет у маминой юбки, как привязанный. О чем же вы с мужиками в бане говорите? Или тебе и правда сказать нечего? Или ты просто умело маскируешься и изображаешь из себя примерного, верного мужа, а на самом деле и в тебе черти водятся? Водятся?!

– А ты бы хотел, чтоб водились? – нахмурился Анатолий и, положив обе руки на руль, медленно произнес: – Чтобы тебе, щенок, было известно. Я не у маминой юбки. Я у Аниной. Хочешь – у юбки, хочешь – под каблуком. Мне все равно. Лишь бы рядом. И я не альфа-самец, я нормальный здоровый мужик. Однолюб просто. И если ты думаешь, что задел меня тем, что за двадцать с лишним лет брака я ни разу не изменил твоей матери, то ты ошибаешься. Мало того, может быть, это единственное, чем я могу в этой жизни гордиться. А тебе за твое паскудство надо бы набить морду, но я обещал твоей матери, что никогда не подниму на тебя руку. Поэтому я сейчас пошлю тебя на три буквы, иначе ты просто не дойдешь до своей долбаной работы, к долбаному Пруткову и таким же, как ты, долбаным айтишникам.

– Можешь не утруждаться, – скривился Игорь и вышел из машины, хлопнув дверцей так, что у Гольцова внутри все вскипело. Но он снова сдержался и отъехал от тротуара, чуть не врезавшись в припаркованную рядом машину, а потом, незаметно для самого себя, дважды нарушил правила, сначала проехав на красный сигнал светофора, а потом – развернувшись через сплошную. И все потому, что больше всего на свете ему хотелось примчаться к жене, чтобы, взяв ее за руки, рассказать о случившемся, но из-за того, что сейчас сделать это было невозможно, желание поговорить с Аней становилось все сильнее.

«Позвоню», – подумал Толя, но, увидев, который час, остановился – у Анны было утреннее совещание. «Я тебя люблю», – отбил он эсэмэс жене, потом вдогонку послал еще одну: «Встречу после работы. Уже соскучился».

* * *

К себе в кабинет Анатолий Иванович вошел ровно в тот момент, когда из него выходила уборщица с корзиной мусора в руках:

– Опаздываете, Анатолий Иванович, – кокетливо поприветствовала его бабища в синем халате и прижала корзину к груди.

Гольцову захотелось сказать: «Не ваше дело», но вместо этого он почтительно посторонился, будто уборщиком был он, а не эта женщина, похожая на тролля:

– И на солнце бывают пятна, Нина Васильевна.

И Нина Васильевна обрадовалась этим словам, и засуетилась, и, смущаясь, пожелала хорошего дня, и даже призналась в том, что ставит Анатолий Ивановича в пример собственному зятю.

– А вот это лишнее, – неодобрительно произнес Гольцов, чем ввел уборщицу в еще большее смущение.

– Да как же лишнее! – воспротивилась она. – У кого хочешь, спроси: самый положительный человек у нас здесь – кто? Анатолий Иванович! И говорить нечего. И пусть знают, а то распустились. Ни стыда, ни совести. Один обман и злоупотребление, а потом люди и говорят: нет честных людей. А на самом деле есть! – подняла руку вверх Нина Васильевна. – Пусть знают и детей учат, а то будут, как мой зять, сказать ведь стыдно...

Гольцову на минуту показалось, что вот сейчас уборщица попытается рассказать ему историю своей семьи, а заодно и всех тех, кто к ней причастен. Но она завершила свое выступление словами о том, что если кому в этой жизни и повезло, то, без сомнения, жене Анатолий Ивановича, хотя и неизвестно, за какие такие заслуги, но раз так, то уж пусть так и будет, потому что на все воля божья и жаловаться грех.

– Ну, спасибо вам за добрые слова, Нина Васильевна, – промямлил Гольцов и попытался протиснуться в дверь собственного кабинета, но снова не успел: из отдела кадров привели новую сотрудницу, молодую женщину с нечистой кожей лица, напоминавшую Анатолию его одноклассниц в пубертатном состоянии.

– Здравствуйте, – сначала пискнула та, а потом, видимо от волнения, пробасила: – Я Юля Деревяшкина.

– Очень приятно, – наврал Толя и запустил новенькую в кабинет. – Присаживайтесь.

Деревяшкина метнулась к стене и уселась на стулья, которые обычно пустовали, потому что сотрудники, как правило, располагались за столом у начальника.

– Не сюда, – остановил ее Анатолий Иванович и показал нужное направление. – Рассказывайте.

– А что рассказывать? – растерялась Юля и выложила перед собой руки с облупившимся лаком на ногтях. Гольцову стало не по себе, но он постарался не показать виду и спешно отвернулся якобы для того, чтобы просмотреть записи в ежедневнике.

– Что заканчивали, какой опыт работы в налоговых органах, – подсказал Анатолий, хотя, в сущности, это его нисколько не интересовало: зачем отнимать хлеб у отдела по работе с персоналом?

– Так я ж рассказывала... – Фамилия Деревяшкина, судя по всему, была более чем говорящей.

– Мне? – удивился Анатолий Иванович и уставился на свою посетительницу.

Перегнувшись через стол, Юля, чередуя писк и бас, прошептала, сделав при этом большие глаза:

– Я от Мельниковой Жанны.

– От кого? – не сразу понял Анатолий и поднял брови.

– От Жанны Мельниковой, – по слогам проговорила новая сотрудница, и Гольцов вспомнил, что какое-то время тому назад действительно хлопотал по поводу устройства в налоговую инспекцию какой-то мельниковской родственницы.

– Точно! – Анатолий Иванович, изображая на лице радость, быстро пролистал ежедневник и в разделе «Апрель» обнаружил своей же рукой сделанную запись: «Юлия Владимировна Деревяшкина, 1985 г. р., обязательно». Рядом с «обязательно» стояло три восклицательных знака. «Черт, совсем забыл», – смутился Гольцов и доброжелательно поинтересовался: – Какие-то вопросы ко мне есть, Юлия Владимировна?

– Нет... – Деревяшкина посмотрела на начальника с обожанием и, встав со стула, томно сказала: – Правильно Жанка мне сказала: «Глаз не оторвать».

– В смысле? – глаза у Анатолия округлились.

– Вот таким я себе вас и представляла, – Деревяшкина явно перевозбудилась: – Высоким, красивым... Вот точно...

«Если Жанна притащит ее к нам в гости, – с тоской подумал Гольцов, – я ее прибую!», но вслух произнес совсем другое:

– Ну, это вы преувеличиваете, Юлия Владимировна. Но все равно – спасибо.

Последняя фраза послужила сигналом к завершению разговора, и Деревяшкина, оглядываясь и спотыкаясь, отправилась к двери. Но не успела та за ней закрыться, как в гольцовской борсетке завибрировал сотовый и раздался механический китайский призыв: «Возьми трубку. Трубку возьми. Возьми трубку. Трубку возьми». Прослушав эту китайскую какофонию трижды, Анатолий достал сотовый и тут же сбросил: вызывала Жанна. Но Мельниковой действия Гольцова были не указ, и она снова перезвонила: «Возьми трубку. Трубку возьми», – сотовый, вибрируя, «ползал» по столу до тех пор, пока до Жаниных ушей не долетела дежурная фраза: «Абонент не отвечает. Пожалуйста, позвоните позднее».

«Позднее, так позднее», – пробормотала Мельникова и отбила Анне Гольцовой эсэмэс: «Анют, скинь рабочий номер Толяна. Нужно позарез. Жду».

Аня ответила сразу же, даже не поинтересовавшись, по какому «позарез» ее муж понадобился Мельниковой. «Мерси», – быстро отстучала ей Жанна и набрала телефон секретаря Анатолия:

– Алле, девушка, – развязно-манерно застрекотала она в трубку. – Мне бы Анатолия Ивановича.

– Одну минуточку, – ответила секретарь голосом пожилой женщины. – Анатолий Иванович, вас по городскому. Соединить?

– Не надо, – Гольцов появился в секретарской клетушке. – Здесь возьму. Я слушаю, – проговорил он в трубку и чуть не заплакал: на том конце зазвучал веселый Жанкин голос.

– Толян, это Жанна. Говорить можешь?

Анатолий хотел сказать «нет», но вместо этого ответил: «Пару минут».

– Толян, – в голосе Мельниковой появилась интрига: – Мы вас с Анютой сегодня приглашаем на ужин. К нам в Дмитровку: поляна, так сказать, за мою Деревяшкину. Отзвонилась уже. Два месяца, блин, девку мутузили, проверяли.

– Жан, давай не сейчас.

– А когда? – Мельникову явно не устроило то, что Гольцов не запрыгал от радости.

– Я перезвоню тебе после совещания, – пообещал Анатолий и собрался уже завершить беседу, как Жанна нежно проворковала:

– Буду ждать, Анатолий Иванович, – и спешно бросила трубку. А через секунду Гольцов получил сигнальную эсэмэс. Заглавными буквами было написано: «БУДУ ЖДАТЬ ОЧЕНЬ».

– У вас все в порядке? – сочувственно поинтересовалась секретарша и преданно посмотрела на начальника.

– Да, Ксения Львовна, если не считать того, что сегодня утром нас с женой поднял с кровати идиотский звонок соседки, а вы ведь знаете, как они ужасны, эти неожиданные звонки, способные испортить настроение. Потом я в пух и прах разругался с собственным сыном, и теперь мне звонит один человек и приглашает в гости, не понимая, что завтра рабочий день и нужно иметь ясную голову.

– А вы, – Ксения Львовна посмотрела преданными глазами на своего начальника, – так этому человеку и скажите.

– Вы думаете, это легко?

– Думаю, нет, – поддержала начальника Ксения Львовна и предложила свои парламентские услуги: – А хотите, я позвоню этой даме от вашего имени и скажу, что у вас непредвиденная командировка?

– Уверю вас, – Анатолий уже опаздывал на совещание, – эта дама задаст вам такое количество вопросов, что вам будет проще сказать ей горькую правду.

– Иногда, – Ксения Львовна искренне переживала за доброго Анатолия Ивановича, – лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

– Абсолютно с вами согласен, – признал ее правоту Гольцов и спешно покинул офис.

– Господи, – прошептала себе под нос умудренная жизненным опытом Ксения Львовна Иванкина и покачала головой: – Сорок пять лет человеку, а он так и не научился говорить «нет» наглým, невоспитанным особам. И куда только его жена смотрит?!

А Аня смотрела, как обычно, в нужном направлении – в монитор. С точки зрения Анны Викторовны, монитор компьютера был таким же гениальным изобретением человечества, как и памперсы. Главное – эффект один и тот же. Писаешь – и никто не упрекает тебя в том, что ты обмочился. Потому что сухо. То же самое монитор – смотришь в экран, а все думают: человек работает. И никто, заметьте, не догадывается, что ты просто сидишь и думаешь о чем угодно, а не обязательно о том, что скажет губернатор Вергайкин перед жителями какого-нибудь района Алынской области.

Сегодня это наблюдение над достижениями человеческого гения вновь подтвердило свою актуальность: Аня смотрела в монитор, но вместо проекта губернаторского доклада Законодательному собранию Алынской области видела перед собой какие-то блуждающие по экрану звездочки, точки, мерцающие знаки.

«Вероятно, я переутомилась», – сделала вывод Анна и потерла глаза, забыв о том, что они накрашены.

– Анна Викторовна, – в дверях показалась голова ее секретарши Вики, настолько молодой и настолько красивой, что Аня всерьез подумывала познакомиться с ней своего сына. – Букет для Бравина доставили. Сами отнесите или мне сбегать?

– Сама, – подтвердила свою готовность Гольцова и посмотрела на Вику.

– Ой, – хихикнула та, – что это с вами, Анна Викторовна?

– А что со мной? – Аня не сразу поняла смысл вопроса, и перед девушкой встала необходимость объявить начальнице о существенно подпорченном макияже.

– У вас тушь размазалась, – выпалила Вика и тут же скрылась за дверью.

«У меня не только тушь размазалась, – проворчала себе под нос Анна, вынув из ящика стола инкрустированное перламутром зеркало. – У меня как-то жизнь размазалась. Причем непонятно, в какую сторону: то ли в белую, то ли в черную, – рассуждала она вслух и критично рассматривала себя в зеркальце. – Вон, пигментация по лицу. Здрасте – пожалуйста, – расстроилась Аня, обнаружив у правого виска несколько коричневых пятнышек. – Вот вам и критское послевкусие. Правильно Толик говорил: «Зачем тебе это море? Жила бы у Мельниковых в Дмитровке, ходила бы на залив, гуляла бы по лесу. Нет, тебе надо на острова...» А я, – Анна представила себе мужа, – хочу на острова! Хочу на море. И так, чтоб не было ни

одной знакомой рожи. И твоей, – она набралась мужества и наконец-то выдавила из себя, – в том числе. Прости меня, Толик...»

От этого мысленного разговора с супругом градус Аниного настроения стал заметно выше, она поправила макияж, передела туфли и выбралась из-за стола, прихватив с собой приветственный адрес, составленный по случаю юбилея Бравина Руслана Викентьевича, заместителя губернатора Алынской области по общественной безопасности.

– Вика, – Аня вышла в приемную, – пройдите, пожалуйста, по нашим: пусть адрес подпишут, а я схожу поздравлю.

– Сейчас, Анна Викторовна. – Девушка легко вспорхнула со своего места и выскользнула из комнаты.

«Умничка моя», – ласково подумала о ней Аня и зачем-то уселась на секретарское место.

На столе у Вики был абсолютный порядок: карандаши остро заточены, все одинаковой длины, ручки – в специальной подставке, блокнот для распоряжений начальницы – в кожаной папке с золотым тиснением – «Алынской области 65 лет». То, что за этим столом работала девушка, можно было определить только по засунутым под стекло валентинкам, и то наверняка забыла убрать.

Анна любовно погладила чистое стекло – ни пылинки – и нечаянно коснулась подмигивающей красным огоньком компьютерной мышки: на мониторе появился фрагмент незавершенного письма. Гольцова никогда не стремилась знать больше, чем этого требовала ее должность, но в данном случае как будто черт ее дернул. Аня скользнула взглядом по письму и профессионально выбрала несколько строк, показавшихся ей интересными. Прочитав их, она даже не сразу поняла, что те посвящены ее собственной персоне, коротко именуемой в тексте «АВ».

Не поверив своим глазам, Анна нарушила табу и внимательно прочитала письмо, адресованное некой Кукусе, целиком. «Вообще, мне АВ нравится, – писала Вика, – тетка она классная, но к себе не приближает, держит на расстоянии. Ее у нас боятся. И правильно. Говорят, у нее очень серьезные покровители. Даже не буду говорить кто. Но не один и не только в Администрации. Об этом знают все, кроме мужа...» Дальше шли знаменитые «скобочки», призванные передать интонацию и настроение адресанта. «Кстати, – продолжала глупая Вика, – у АВ очень красивый муж. Девчонки рассказывали, что он ее на руках носит и не знает, чем его жена занимается. Но мне, – секретарь великодушно прощала свою начальницу, – все равно. Я мужиков, между прочим, понимаю. Я бы тоже мимо такой женщины не прошла. Потом как-нибудь пришлю тебе ее фотографию, убедишься сама», – обещала Кукусе Вика, и дальше письмо обрывалось.

«Вот те раз, – ахнула Анна Викторовна. – А девочка-то моя все больше по «новостям» (так Анна называла непроверенную информацию) специалист». Неожиданно Анне стало грустно. И не то чтобы она разочаровалась в своей молоденькой секретарше! Все понятно: глупая, жизни не знает, но Гольцова почувствовала такое острое желание вмешаться в процесс личной переписки, что не удержалась и дописала от себя: «На самом деле, дорогая Кукуся, все то, что написала вам Вика, – это бессовестное вранье. С уважением, АВ».

«Пусть читают!» – улыбнулась собственной дерзости Аня и поднялась с секретарского кресла. Позволив этот хулиганский выпад, Анна повеселела и вернулась к себе в кабинет, где вновь превратилась в строгую бизнес-леди, внешний вид которой вполне соответствовал глянцевым картинкам из журнала «Деловое обозрение». Но при этом, правда, в нем присутствовало определенное несоответствие заданному контексту. Выражение Аниного лица существенно отличалось от выражения лиц деловых женщин: оно было слишком живым, отсутствовала типичная демонстрация собственной значимости. Вместо нее были явлены чувства внутреннего достоинства и искреннего интереса к тому, что происходит вокруг. Анна Викторовна Гольцова до сих пор удивлялась многообразию мира и интуитивно избегала «мест

общего пользования» – косметических салонов, фитнес-залов и бутиков в торговых центрах, которые было принято посещать, потому что так делало большинство женщин, работавших в Администрации. Надо ли говорить о том, что и костюмы, и прически, и типы фигур, которые можно было обнаружить в приемной губернатора или на общих совещаниях, были похожи друг на друга, поскольку «формировались» они в одних и тех же «присутственных» местах. И очень малое количество сотрудниц могло как-то противостоять этой доминантной тенденции, этому «административному» тренду, придававшему всем, без исключения, лицам общее выражение, называемое «типичная представительница какой-нибудь Администрации».

Яркие косынки, авторские украшения, натуральный цвет волос, мешковатые сумки, платья в пол, узкие брюки семь восьмых, цветы в петлицах не превращали образ Анны Викторовны Гольцовой в образ директора художественной галереи, но делали его не типично для Администрации акцентированным. Хотя, безусловно, в ее гардеробе были и такие наряды, которые Аня иронично называла униформой, правда, несколько подкорректированной с учетом эстетических потребностей хозяйки.

Сегодня Анна была в чем-то подобном, если не считать увесистого кольца, больше напоминавшего конскую сбрую, инкрустированную камнями, нежели женское украшение.

– Адрес готов, – доложила Вика, не пересекая порога кабинета начальницы.

– Спасибо, – поблагодарила ее Аня и вышла в приемную, чтобы взять цветы, предназначенные для Бравина.

Вытащив букет из стоявшей на подоконнике вазы, она минуту понаблюдала за тем, что творилось за окном приемной, выходящим на центральную площадь города:

– Жарко?

– Ужас, Анна Викторовна. – Вика встала рядом и тоже стала наблюдать, как на одной половине площади катаются на роликах и велосипедах, а на другой – монтируют огромную эстраду к предстоящему Дню города.

– А раньше, – поделилась с секретаршей Аня, – на этой площади запрещали кататься. А это было единственное место с хорошим асфальтовым покрытием. И вот когда появились первые скейты, мы бегали сюда, чтобы посмотреть на счастливых обладателей этих волшебных досок. И стоило им проехаться возле памятника Ленину, из Администрации, а тогда – из обкома, выбегали милиционеры и гнали их взащей. В школу могли позвонить, в институт, из комсомола исключить. А сейчас... катаются, песни поют, массовые гуляния устраивают...

– И что, это плохо? – Вике показалось, что в голосе начальницы зазвучали ностальгические ноты.

– Нет, конечно, – вздохнула Анна и потрясла букетом, чтобы стекла вода. – Это хорошо. Пусть катаются и поют, тогда меньше времени будет оставаться на всякие глупости.

– Сотовый не забудьте, – напомнила начальнице Вика.

– Зачем он мне? За полчаса ничего не случится, – отмахнулась Анна и ошиблась, потому что за те тридцать минут, что она отсутствовала на своем рабочем месте, случилось нечто, впоследствии перевернувшее с ног на голову все, что раньше составляло устойчивый мир семейного благополучия семьи Гольцовых. Но ни Анатолий Иванович, так и не перезвонивший назойливой Жанне, ни Анна Викторовна, принявшая приглашение принять участие в банкете по поводу празднования пятидесятилетия Бравина Руслана Викентьевича, не могли об этом знать. Иначе бы они просто не произвели вышеуказанные действия и прожили этот день, минуя искушения и соблазны.

Первой поддалась им Аня, обменяв букет юбиляру на конверт, внутри которого таинственно мерцало приглашение, сделанное на плотной темно-синей перламутровой бумаге с серебряным тиснением.

– На два лица, Анна Викторовна: жду вас в любом составе, с супругом или без, как сочтете нужным.

Поначалу Анна хотела вежливо отказаться от очередного ненужного банкета, но потом вспомнила строки из злополучного письма своей секретарши и почувствовала не характерный для себя азарт. «Вот заодно и проверим, где они мои серьезные покровители, о которых не подозревает красавец-муж», – подбодрила себя Аня и дала согласие, получив которое Бравин, полковник в отставке, бывший глава МЧС Алынской области, неожиданно смутился и покраснел: «Очень тронут, Анна Викторовна, что не отказались. А то, знаете, я здесь у вас человек новый, пока не приспособился. В моем ведомстве все проще...» – «Я не знаю, как в «вашем ведомстве», Руслан Викентьевич, но сразу скажу, что тоже изменила своим правилам. Обычно на мероприятия такого типа я не хожу. Да меня и не приглашают особенно».

«Как же!» – не поверил ей тогда Бравин и поймал себя на мысли о том, что практически уже жалеет, что пригласил эту женщину, директора Информационного департамента, по слухам – любовницу губернатора или еще кого-то, потому что не знает, как себя с ней вести, о чем говорить. Он всегда ненавидел все эти официальные мероприятия, торжественные собрания, банкеты «для своих». Может быть, поэтому и не особо обрадовался предложению Вергайкина стать его заместителем по безопасности. Считал это очередной случайностью, как и свое попадание в структуру МЧС много лет назад.

...Тогда, в девяностые годы, он собрался увольняться из армии, но воспротивилась жена, генеральская дочка. Катя не только потребовала пересмотреть решение, но даже позвонила отцу в Москву и попросила повлиять на Русика. И тесть, теперь уже покойный, вмешался, и «повлиял», и глубокомысленно произнес что-то про честь мундира, и поспособствовал переводу из Мурманска в Алы́нск, где Бравины осели и прижились. А ведь все могло бы сложиться по-другому, не упирайся он тогда. Жил бы сейчас в Москве, в знаменитых красных домах на Строителей, в генеральской квартире тестя, теперь оккупированной молодой генеральшей, с удовольствием проводившей престарелого супруга в последний путь. И вот уже лет пять, как умерла Катя, а жизнь все продолжается и балует должностями, но он так и не научился ими пользоваться, хотя мог бы. «Зачем?» – протестовал обычно Руслан Викентьевич, когда Машуля, жена его единственного сына Лени, бронетранспортером «наезжала» на него и давила, давила, уговаривая быть хитрее, смелее и думать о будущем. Вот и на банкете она настояла, пустив в ход весь арсенал средств, начиная от уговоров и заканчивая шантажом: «Неужели, Руслан Викентьевич, вы не понимаете?»

«Не понимаю», – признавался Бравин и с мольбой смотрел на сына, но тот, похоже, разделял позицию жены по поводу того, что нужно пользоваться тем, что предлагает жизнь. В сознании Лени, возможно, Машиными усилиями, сформировалось твердое убеждение в том, что родительское процветание – это залог успеха и благополучия его собственной семьи. Поэтому – надо двигаться, строить, добывать, знакомиться, чтобы становилось все лучше и лучше.

«Оформленная инфраструктура, Руслан Викентьевич, – это то, что позволяет оставаться на плаву даже тогда, когда ты больше не зам губернатора, а пенсионер. Вы что, хотите ужасной старости?» – пугала тестя невестка и прижимала к груди вазу с шоколадными конфетами, которые она поедала с удивительной жадностью, словно боясь, что отнимут. «Ну кто же ее хочет, Машуля?» – для вида сопротивлялся Бравин, подозревавший, что умрет на работе. «Тогда слушайте меня, Руслан Викентьевич! Я в этом разбираюсь, поверьте».

И Руслан Викентьевич поверил, как только увидел Машину маму. Эта мама вполне могла бы гордиться своей дочерью, легко усвоившей главное правило – «правило звонка влиятельному лицу». В погоне за такими «влиятельными лицами» Ленина теща незаметно для себя потеряла супруга (сбежал на двадцать шестом году совместной жизни), но зато благодаря дочери обрела внеочередную «влиятельную персону» – вдовца Бравина, завидного жениха, по поводу которого «стоило подумать» всерьез.

Первоначально Машуля пыталась помочь маме облегчить процесс «обдумывания» и даже намекала тестю на то, что вокруг него есть весьма и весьма замечательные особы. Вот,

например, мама. Но скоро зареклась это делать, поскольку не выдержал не только Бравин-старший, но и младший, первоначально недолюбливавший тещу за ее мещанский колорит. Однако Машенька заставила Леню пересмотреть жизненную позицию и назначила себя главной в семье Бравиных, потому что только ей присущ «нормальный, рациональный» подход к жизни, а значит, «смириться и делать то, что я скажу».

«Хорошо!» – согласился Руслан Викентьевич и позволил Машуле взять на себя организацию банкета при условии, что тот будет проходить в сугубо официальной обстановке и без участия родственников.

– Как хотите, – поджала тогда губы Маша, но протестовать не осмелилась, так как в душе побаивалась свекра и его гнева, о котором в городе охотно говорили, возлагая на Руслана Викентьевича огромные надежды: «Этот дело знает, он порядок наведет».

В это верил и губернатор Вергайкин, стремившийся окружать себя людьми, наделенными в первую очередь харизмой руководителя. И не важно, что она не всегда совпадала с профессиональной состоятельностью, как, например, в случае с Бравиным, бывшим ракетчиком, а потом главой МЧС Алынской области. «Ну не чиновник я», – резонно сопротивлялся Руслан Викентьевич уговорам губернатора. «Ну и что?! – Того было сложно чем-либо смутить: – Чиновниками, Руслан Викентьевич, не рождаются. Ими, дорогой мой человек, становятся».

«Привыкнете», – вслед за губернатором обнадежила Бравина невестка и окружила тестя заботой и любовью, предвосхищая значительное улучшение своего финансового и социального благополучия. И банкет по поводу юбилея в этом смысле был как нельзя кстати, даже и без ее, Машиного, присутствия. «Да и что бы она там делала? – рассудил Руслан Викентьевич, внимательно вглядываясь в лица тех, кто был в списке приглашенных. – Где Машка и где, например, Гольцова?»

А Гольцова стояла рядом и незаметно для себя улыбалась, поглаживая конверт с приглашением. «Лысый. Похож на Пороховщикова», – когда-то она была влюблена в этого актера. Бравин смутился:

– Что-то не так, Анна Викторовна? – Он посмотрел на часы, сигнализируя таким образом, что Гольцова несколько подзадержалась у него в кабинете. – Вы как-то странно на меня смотрите.

– Простите. – Анна почувствовала себя пойманной с поличным. – Задумалась. Еще раз – поздравляю.

– До вечера. – Руслан Викентьевич изо всех сил старался показаться галантным.

Не ответив, Гольцова вышла из кабинета, в котором пробыла, как мог бы засвидетельствовать секретарь в приемной, от силы десять минут, но по ощущениям, например того же Бравина, это был целый час. «Столько времени впустую», – посетовал Руслан Викентьевич и, усевшись за стол, еще раз просмотрел список приглашенных, в котором галочками были помечены фамилии тех, кто подтвердил свою готовность присутствовать на банкете. Поставив очередную галку напротив фамилии Анны Викторовны, он посмотрел на наручные часы и замер: они остановились.

«Что за чертовщина?!» – удивился Бравин, уставившись на циферблат: с этими «Командирскими» часами он не расставался со времен службы в Мурманске, и ни разу они его не подводили, вселяя уверенность в том, что постоянство – не такая уж редкая вещь в нашем мире. И вот – пожалуйста. Ни с того ни с сего! Да еще и в день рождения. «Плохая примета», – расстроился суеверный, как и большинство людей экстремальных профессий, Руслан Викентьевич и почувствовал, как сердце забилось сильнее, чем обычно.

Пытаясь справиться с этим внутренним грохотом, Бравин встал с кресла и подошел к окну, за которым через площадь виднелся главный корпус Администрации губернатора Алынской области. У входа в него стояла, разговаривая с какой-то женщиной, вышедшая из его кабинета минут пять назад Анна Викторовна Гольцова. «Интересно, сколько ей лет?» – подумал

Руслан Викентьевич и ощутил нехватку воздуха. «Лет сорок – сорок пять», – довольно точно определил он возрастной диапазон Гольцовой и снова судорожно вздохнул: стало полегче. Бравин несколько раз провел ладонью по чисто выбритому подбородку, расслабил галстук и медленно выдохнул, закрыв при этом глаза. «Возраст», – подумал он то ли про себя, то ли про нее и втянул носом воздух, чтобы потом его так же медленно выдохнуть.

Почувствовав, что сердце забилось ровнее и паузы между ударами стали длиннее, Руслан Викентьевич открыл глаза и посмотрел на массивные двери главного корпуса: возле них маячила фигура охранника. И в этот момент Бравин поймал себя на мысли о том, что что-то изменилось, пока не ясно, что именно, но чего-то не хватает. Через секунду ему стало ясно: не хватает Гольцовой.

Вернувшись к себе, Аня застала Вику в слезах и сделала вид, что удивлена:

– У вас что-то случилось? – доброжелательно поинтересовалась она, прекрасно понимая, по какому поводу убивается ее секретарь.

– Анна Викторовна, – всхлипнула Вика, – я все знаю. Простите меня, пожалуйста, я, правда, не хотела ничего плохого.

– Виктория Александровна, – Гольцова пристально посмотрела на девушку, честно отметив для себя, что та даже с опухшим от слез лицом была прекрасна, – есть такая пословица: «Благими намерениями дорога в ад вымощена».

– Я знаю, – скривилась Вика, пытаясь сдержать очередной виток подступивших к горлу рыданий. – Вы меня уволите?

– За что? За распространение непроверенной информации?

– Простите меня, пожалуйста, – девушка вскочила со своего кресла и, не справившись с эмоциями, ткнулась начальнице в плечо.

– Дурочка, – с несвойственной ей нежностью вдруг произнесла Анна, которой уже порядком наскучила роль вершительницы правосудия. Она обняла Вику и погладила по вздрагивающей спине. «Какая узенькая!» – У Ани перехватило горло, и она почувствовала, что вот еще немного – и расплачется за компанию с собственной секретаршей: – Ну ладно, ладно. Хватит. Успокаивайтесь. Хватит.

Интонация, с которой говорила Анна, возымела обратный эффект, и Вика завывала еще громче. Так громко, что Гольцова поволокла ее к дверям своего кабинета, чтобы в общий коридор не проникло ни одного компрометирующего ее департамент звука.

День показался окончательно испорченным: дурное утро, чужие секреты, глупое решение пойти на банкет к Бравину, воющая секретарша, разрывающийся в приемной телефон.

– С меня хватит! – возмутилась Аня и усадила Вику на стул. – Вот вода. – Она подвинула девушке графин. – Вот стакан. Наливайте. Пейте. Приводите себя в порядок и приступайте к работе. Ваши извинения я приняла, и на этом закончим.

– Закончим, – согласилась девушка, с новой силой расцветшая после рыданий, и отработовала: – Вам звонили. 10.45, 11.00 и 11.10 – звонил Анатолий Иванович. Просил передать, что будет ждать вашего звонка. 11.05 – звонил ваш сын. 11.07 – некая Жанна Петровна Мельникова.

– А губернатор?

– Нет, – доложила Вика. – Приходил Сальманский. Жаловался...

– По поводу?

– По поводу того, что если губернатор будет переиначивать то, что он пишет, то тогда он уволится, потому что ему надоело слушать претензии в свой адрес. А на самом деле – он пишет все правильно, просто *он* (Вика подобострастно подняла очи к потолку) не читает речь перед тем, как выступить, поэтому неправильно произносит слова и проглатывает целые предложения. А претензии – к Сальманскому, и никто не поинтересуется, что там было на самом деле.

– В следующий раз, Вика, как только Сергей Дмитриевич начнет вам жаловаться, передайте ему, что я готова подписать его заявление об увольнении сразу же, как только он положит его мне на стол.

– Не увольняйте его, Анна Викторовна, – вступилась за Сальманского девушка. – Он такой веселый: все время шутит...

«Ручки целует, глазки закатывает», – мысленно договорила Аня, представив перед собой своего сотрудника.

– Куда он пойдет?

– Откуда пришел, – оборвала разговор Анна и села за стол. – Еще что-нибудь?

– Нет, – стушевалась Вика и выскользнула из кабинета.

Аня набрала рабочий номер мужа. Трубку взяла обходительная Ксения Львовна и подробно рассказала о дальнейших передвижениях начальника.

– То есть он уже в инспекции не появится? – уточнила Анна и поискала взглядом сотовый.

– У себя – нет, он сегодня по филиалам, – подтвердила Ксения Львовна и порекомендовала: – Звоните ему на мобильный.

– Спасибо, – поблагодарила ее Аня и услышала звук своего телефона, доносившийся из-за закрытых дверей. Через секунду рядом стояла Вика и держала в руках аппарат, на экране которого мигала надпись: «Толя Супруг». – Алло, – ответила Анна и тут же отстранила трубку от уха.

– Сколько можно! – возмутился Гольцов. – Сотовый ты не берешь, на рабочем месте тебя нет.

– Тебя тоже.

– Я на выезде, – сообщил жене Анатолий и, поглядывая на сидящего впереди водителя, прикрыл рот рукой, наивно полагая, что так тому будет удобнее вести машину – меньше отвлекающих факторов.

– А я ходила поздравлять Бравина, – спокойно объяснила свое отсутствие Анна.

– Этого вашего нового зама по безопасности?

– И вашего тоже, – своими короткими репликами Аня возвращала супруга в сознание. – А что случилось?

– Сегодня у меня была родственница твоей подруги, – начал Толя.

– И что?

– Дай договорить! – взвился Гольцов и, с усилием сдерживаясь, продолжил: – В общем, звонила Жанна, они сегодня приглашают нас на ужин в Дмитровку. Я ехать не хочу. Давай договоримся, как будем отбиваться, потому что она обрывает мне трубки целый день, а я все никак не могу определиться.

– Скажи ей, что мы приглашены на банкет.

– К кому?

– К Бравину.

– Тогда я так и говорю. Потому что о том, что завтра рабочий день и надо быть с утра в форме, твоя подруга слышать не хочет. У нее же один ответ на все: «Не бери в голову...»

– Ты хочешь продолжить? – напряглась Гольцова и с неприязнью подумала о Жанне: «Надо же! И этого заразила!»

– Анют... – Голос мужа изменился. – Может, вечером вдвоем куда-нибудь сходим? Сто лет уже не ходили никуда.

– Я не могу, Толя, у меня ж банкет.

– Какой банкет?! – изумился Гольцов, разумеется, считавший историю с приглашением к Бравину чистым вымыслом супруги. Да и потом, Анатолий по пальцам мог пересчитать случаи, когда его жена присутствовала на мероприятиях такого рода. И то, как правило, час – не больше, чтобы просто отметить в кругу избранных.

– А разве я не сказала? – Анне на самом деле показалось, что она предупредила мужа и банкет, в сущности, – это дело решенное: пара часиков – и домой. – Кстати, Толь, приглашение на два лица. Пойдешь со мной?

– Нет. – Гольцов даже не стал раздумывать. – Ты ж сама говоришь: «Пустая трата времени». Я тебя лучше встречу. В котором часу у тебя мероприятие?

– В пригласительном написано: «В 19.00».

– Значит, в районе девяти подъеду.

– Договорились, – согласилась с мужем Аня и перевела разговор на сына: – Тебе Игорь не звонил?

– Нет. А почему ты спрашиваешь? – напрягся Анатолий, заподозривший, что жена о чем-то узнала. – Он мне обычно в течение дня, если нет повода, никогда не звонит. Это у вас с ним космическая связь, а у меня – нормальные человеческие отношения.

– При чем тут это? – не поняла иронии мужа Анна и услышала, что в их с Толей разговоре прослушиваются сигналы, свидетельствующие о звонке по параллельной линии.

– Кто-то пробивается, – опередил супругу Гольцов и на секунду «выпал» из разговора, чтобы посмотреть, кто звонит. – Это Жанна, – оповестил он супругу. – Значит, как договорились, – на банкет, к Бравину. Целую, – заторопился Анатолий и переключился на Мельникову: – Жан, прости, вот только освободился. Собирался тебе перезвонить.

– Ага, расскажи кому-нибудь другому, Толян, – не поверила ему Жанна. – Я проверила: с Анькой висите. Я ей тоже звонила – у нее было занято.

«Тоже мне, мисс Марпл», – улыбнулся про себя Гольцов и приготовился к обороне.

– Ну че? – спросила Мельникова. – Накрываю поляну?

– Нет, Жан, извини. Аня сказала, что сегодня мы приглашены на банкет к ее коллеге.

– К какому? – тут же перебила Анатолия Жанна, как будто была знакома со всеми коллегами его жены.

– К Бравину, – сообщил ей Гольцов. – Анютка сказала, что обязательно нужно быть, а я ее сопровождать должен.

– Фигня какая-то, – усомнилась в предложенной Толей версии Мельникова. – Тебя ж Анька никогда на такие мероприятия не берет.

– Почему не берет? – В голосе Гольцова послышалась обида. – Просто я отказываюсь. Мы с Анюткой как-то стараемся разделять профессиональное и личное.

– Угу, – недобро усмехнулась Жанна. – Дай догадаюсь: это тебе так наша Анютка сказала? Понятно... – Она выдержала паузу. – Короче, Толян, приедешь или нет? – Мельникова автоматически вычеркнула Аню из списка приглашенных. – Или свою звезду караулить будешь? Вдруг кто-нибудь уведет?

Слова Жанны неприятно задели Гольцова, но он не подал виду, сглотнув эту маленькую, не достойную, как он считал, мужика обиду. Привыкший хорошо относиться к людям, всегда боявшийся причинить им какие-либо неудобства, ненароком задеть, Анатолий первоначально не поддался мельниковской провокации и твердо отказался от вечернего застолья в Дмитровке.

– Ну как знаешь, – обиделась Жанна и закончила разговор.

– Жан! – прокричал в пустоту Гольцов, наивно предположивший, что просто прервалась связь, и начал набирать мельниковский номер заново. Впрочем, дозвониться не удалось: было все время занято. Тогда Анатолий вышел из машины и, не успев сделать ни шагу, вновь схватился за мобильный: «Николай Николаевич Мельников».

– Толя? – Голос Николая был, как всегда, спокоен и доброжелателен. – Извините, что отрываю от дел, но мне позвонила жена и сказала, что у вас сегодня намечено какое-то мероприятие.

– Да, Николай Николаевич. Мы с Аней приглашены на банкет к ее коллеге.

– А вам обязательно там присутствовать? – поинтересовался Мельников и, не дожидаясь ответа, предложил: – Вы могли бы побыть там какое-то время, я бы подъехал, куда скажете, забрал бы вас, а утром отвез бы в город. Не сочтите меня назойливым, но Жанна так готовилась к этому ужину. И потом, знаете ли, это вроде бы как дело чести – отблагодарить вас за содействие: устроили ее племянницу. Одним словом, Толя, я бы попросил вас изменить свое решение и все-таки приехать к нам с Аней.

– Николай Николаевич, – застонал Гольцов, – сегодня же понедельник, начало недели, завтра рабочий день...

– Будет у вас ваш рабочий день. Даже не сомневайтесь. К тому же после бани будете себя чувствовать новорожденными: две рабочие недели вместо одной сможете оттрубить. Ну что? Уговорил вас?

По голосу Николая Николаевича Анатолий понял, что тот улыбается. Он даже представил его: в очках, с коричневой блестящей лысиной и глубокими поперечными морщинами, изрезавшими выпуклый лоб:

– Я должен посоветоваться с Аней. – Гольцов практически капитулировал.

– Так посоветуйтесь, – очень спокойно поддержал Анатолия Мельников и не потребовал, в отличие от своей жены, никаких встречных обещаний типа: «Перезвоните, как только выясните», «Перезвоните, я буду ждать», «Перезвоните, чтобы мы тоже могли строить планы» и т. д. Возникло такое чувство, что Николай Николаевич был заведомо уверен в положительном ответе Гольцовых.

Анна взяла трубку не сразу, по первой ее фразе – «Что-то срочное?» – Гольцов сразу же понял, что супруга занята и говорить сейчас ей даже если и удобно, но совершенно не хочется:

– Анют, я на секунду. Тебе Мельников не звонил?

– Нет. – Аня отвечала односложно.

– А мне звонил. Знаешь, может, ты побудешь на банкете пару часов, а потом все-таки сгоняем в Дмитровку. Он даже готов нас с тобой забрать и утром отвезти в город.

– Нет, – как автомат повторила супруга.

– Анют, неудобно отказываться, когда так приглашают. Может, все-таки поехать? – возмущился Гольцов.

– Поезжай, – поддержала его супруга.

– Я без тебя не хочу. – Голос Анатолия стал капризным.

– Тогда оставайся дома, – раздраженно ответила Анна и сослалась на занятость: – Мне через десять минут нужно текст сдать. До вечера.

– До вечера, – вяло попрощался Гольцов, даже не заметив, что Аня его уже не слышит. Но через секунду оказалось, что очень даже слышит:

– Толик, – виновато обратилась она к мужу. – Ну, правда, мне не до Дмитровки сегодня. Может, ты один поедешь, развеешься? – Анна была за справедливость. – Вот смотри, что тебе делать на этом чертовом банкете?! Это сплошные скука и пафос. Я – понятно. Раз не смогла отказаться сразу, надо идти. А ты вполне можешь позволить себе провести вечер в кругу наших друзей. Какая разница, что завтра рабочий день? У нас что, дети маленькие? Поезжай, а то действительно неудобно. Ты же знаешь Жанку, она обидится.

– Может, ты тоже поедешь? Я могу тебя забрать от этого твоего, от Бравина.

– Нет, Толь. У меня завтра день сложный, побуду – и домой, спать.

– Тогда много не пей, – засмеялся Гольцов.

– Ты тоже, – отозвалась Аня, но, в отличие от супруга, без иронии.

На алкоголь Анатолий реагировал таким образом, что его можно было заподозрить в отсутствии опыта употребления спиртного в принципе. Как-то оно в гольцовском организме не усваивалось, что ли, и бродило несколько дней, заставляя бедного Толика мучиться и клясться, что больше никогда ни при каком условии.

Игорь, наблюдая за терзаниями отца, изучил этот вопрос в Интернете и предположил, что у бедного родителя печень не выделяет каких-то ферментов, способных расщеплять алкоголь. Он даже называл каких, но Анна не запомнила, потому что искренне считала: «Не можешь пить, не пей».

Словно прочитав мысли жены на расстоянии, Гольцов сразу же отреагировал:

– Обижаешь ты меня, Анют. Я, может, совсем пить не буду, баня же.

– Вот и правильно, – уцепилась «за баню» Анна и напонила: – И Игорю позвони, пожалуйста. А то я волнуюсь.

– А что? Он перед тобой до сих пор так и не извинился?

– Извинился, – зачем-то солгала Гольцова и добавила: – Все равно позвони ему. У него трудный период.

– Очень, – саркастически ответил Анатолий и звонить никому не стал, потому что, пока сидел на совещании, вспоминая утреннюю перепалку, умудрился настроить себя воинственно и на время похоронить жалость к сыну. Теперь Гольцов считал, что каждый человек должен пройти через испытание первой любовью. К тому же Леночка под эту категорию не подходила, а значит, ни о какой психологической травме не может быть и речи, успокаивал он себя. Хотел бы, поехал бы за ней в Москву, решал бы как-то вопрос, а не бросался бы с глупыми обвинениями на отца, думал Анатолий и чувствовал, что все больше и больше раздражается на сына.

«Ты ж мужик! Альфа-самец! Неужели за сорок пять лет! И в тебе черти водятся?!» – вспомнил он обидные слова Игоря и рассвирепел так, как будто у него собирались отнять самую главную ценность в его жизни – верность жене. То есть то, чем Анатолий Иванович Гольцов по-настоящему гордился и считал это качество своей визитной карточкой, не подозревая, что Игорь в этом плане – весь в него. Вот только Леночка подвела: надела спортивные штаны и унеслась в Москву вместе со своими марафонцами: там, видишь ли, условия для личностного роста лучше, чем в Алынке.

После трех минут таких размышлений раздражение на сына сменилось жалостью, и Анатолий набрал номер Игоря, но, услышав гудок в трубке, сразу же отключился. Шаг навстречу был явно преждевременным: он не был готов к разговору с ним. «Не хочу», – признался себе Анатолий и вспомнил, что надо перезвонить Мельниковым.

– Я приеду, – без предисловий объявил он Николаю Николаевичу, как только проинспектировал последний на сегодня филиал налоговой, и задал традиционный вопрос: – Что с меня?

– Присутствие, – быстро пресек энтузиазм товарища Мельников и уточнил: – А Анна Викторовна, судя по всему, не поедет?

– Нет, – подтвердил предположение Мельникова Гольцов, пропустив мимо ушей, что муж Жанны называет его Аню по имени-отчеству.

– Очень жаль, хотя, знаете, – произнес Николай Николаевич, – иногда женщинам нужно давать свободу. Хотя бы на день. Это я вам говорю с высоты своего опыта. Брак, знаете ли, такая штука...

– Знаю, – заверил его Гольцов и спешно попрощался, пытаясь скрыть раздражение, вызванное советом Мельникова, семейный опыт которого явно не отвечал выдвинутому положению: от первой жены ушел, а со второй прожил от силы десять лет. И это притом, что семейный стаж четы Гольцовых приближался к двадцатипятилетнему рубежу, а это, как говорила Аня, «не хухры-мухры».

«Может, того? Не ехать?» – снова заметался бедный Анатолий, все равно ощущавший себя изменником семье: прежде он никогда не отправлялся в гости один, только с женой или с сыном. Он физически не мог без них обходиться, иногда доводя этим своих домашних до иступления. «Толя, – периодически порывивала на него Анна, – ну сядь на другой конец дивана. Ну почему тебе обязательно нужно усестись так, чтобы касаться меня?» «Потому что

я тебя люблю», – объяснял свое рвение Гольцов и брал жену за руку. «Это меняет дело», – размякала Аня и впускала мужа в свое пространство.

Нечто подобное происходило у Гольцова и с сыном, возопившим о помощи в подготовительной группе детского сада. «Мама, – орал он. – Скажи папе, чтобы он не хватал меня за руку. Я что? Маленький?» «Если не маленький, скажи ему сам», – Анна, была в своем репертуаре. «Я не могу», – чуть не плакал Игорь и с мольбой смотрел на мать. «Почему?» – недоумевала Аня. «Он обидится». – Сын, нахмурившись, приводил неоспоримый аргумент. «А ты скажи так, чтобы не обиделся», – советовала Гольцова и самоустранялась, наблюдая за нравственными мучениями Игоря. «Ты не права, Анечка», – пыталась вмешаться Людмила Дмитриевна и тут же натыкалась на жесткое Анино «нет». «Может быть, тебе все-таки поговорить с Толей?» – Бабушке хотелось избавить внука от переживаний. «Мы это обсудили», – Анна и здесь не оставляла своей матери никакой надежды, хотя сама боролась с внутренней жалостью, запрещая себе стелить соломку там, где можно было без нее обойтись. «Пусть думает», – уговаривала она мужа не вмешиваться в эксперимент, и тому даже не приходило в голову, что можно просто не брать сына за руку прилюдно. «Вы просто садисты», – обвиняла их Людмила Дмитриевна и штудировала литературу по психологии, чтобы свернуть этих горе-родителей с неправильного пути. Но они так и продолжали наблюдать за происходящим до тех пор, пока сам Игорь не нашел оригинального решения. В открытке к 23 февраля в качестве одного из пожеланий он печатными буквами написал отцу следующее: «Я ОЧЕНЬ ЛУБЛУ КАГДА ТЫ МЕНЯ ДЕРЖИШ ЗА РУКУ. НО Я СТИСНЯЮС. ПАТАМУ ЧТА Я МАЛЧИК. СПАСИБА».

Прочитав эти строки, Гольцов чуть не заплакал и бросился к семилетнему сыну так, словно того собирались отобрать у него навсегда: «Почему же ты сразу вот так мне не сказал?!» «Я сказал», – опустив голову, пробубнил Игорь: ему было невыносимо смотреть в отцовские глаза. И тогда Анатолий поклялся, что больше никогда, никогда-никогда не возьмет сына за руку без спроса. И тот поверил отцу и разочаровался в отцовском слове на следующий же день, когда, выйдя из ворот детского сада, Гольцов автоматически схватил его за руку. «Папа! – заскулил Игорь и, вырвав руку, спрятал ее за спину: – Ты же обещал!» «Точно!» – смутился Анатолий и побрел за сыном, старавшимся опередить отца хотя бы на полшага. В первом классе проблема исчезла сама собой: Игорь категорически воспротивился тому, чтобы его провожали в школу и встречали из нее, благо располагалась она в десяти шагах от дома. Людмила Дмитриевна оказалась в разы понятливее своего зятя и встречала внука, стоя на балконе гольцовской квартиры, готовая в любой момент сорваться на помощь мальчику, если это потребуется.

«А я так не могу», – подумал Анатолий и испытал острое желание позвонить сыну, невзирая на то, что еще какое-то время тому назад совершенно справедливо чувствовал себя оскорбленным. Теперь от обиды не осталось и следа.

В этот раз Игорь ответил сразу же, и по голосу сына Гольцов понял, что тот так же, как и он сам, готов к разговору:

– Извини, – тут же выдал Игорь и замолчал.

– И ты меня извини, – встречно попросил Анатолий, усаживаясь в поджидавшую его возле входа служебную машину.

– Да ладно, пап, ты-то тут при чем? Мой косяк.

– Ну, я тоже погорячился. – Со стороны могло показаться, что Гольцов оспаривал у сына право быть самым виноватым.

– Ты еще молодец, я бы своего чайльда сразу прибил...

– Вот заведешь «своего чайльда», тогда посмотрим... – проворчал Анатолий и, придав голосу строгости, поинтересовался: – Ты матери позвонил?

– Позвонил, – доложил Игорь. – Но не дозвонился.

– А мне... – начал было Гольцов историю про то, как Аня поведала ему о разговоре с сыном, но осекся и уточнил: – То есть ты перед матерью не извинился?

– Извинился.
– Так ты же с ней не разговаривал!
– Я послал ей букет по мейлу. – У этих «NEXT» были свои приемы. – Этого достаточно.
– Я еду вечером в Дмитровку. Поедешь со мной?
– Нет уж, спасибо, – категорически отказался Игорь, до сих пор пребывавший под впечатлением от сегодняшнего утра. – Мне хватило. Езжайте сами. – Он не понял, что отец едет один.

– Мама остается дома, – сообщил сыну Анатолий.
– Вы что? Разругались?
– Нет, просто так складывается, – пояснил Толя.
– И че? Нельзя отказаться?! – изумился молодой человек, привыкший к тому, что родители всегда вместе.

– В том-то и дело, что нельзя, – вздохнул Гольцов, но вздох получился какой-то искусственный. – Встретишь маму?

– С работы? – снова удивился Игорь.
– С банкета.

– Такси вызову, – пообещал сын. И тут же нарвался на лекцию про то, что такси и дурак вызовет, а вот прийти к ресторану и встретить замужнюю женщину, чтобы ни у кого не возникло ощущения, что женщина ищет себе приключений на одно место, – это долг каждого порядочного мужчины. Поэтому надо присылать матери не электронные букеты, а обеспечивать ее безопасность в любое время дня и ночи. И раз он, ее муж, отсутствует, эта обязанность целиком и полностью ложится на плечи его сына.

– Понятно? – уточнил Гольцов у Игоря.

– Более чем, – усмехнулся молодой человек и поинтересовался: – А кто в Дмитровке будет обеспечивать твою безопасность? Николай Николаевич?

– Еще раз услышу от тебя нечто подобное... – моментально завелся Анатолий.

– Набью тебе морду, – быстро продолжил Игорь. – Ладно, пап, не злись. Хорошо тебе погудеть.

– Дурак, я в баню.

– Ну тогда – с легким паром, – заржал Игорь и отключился.

На часах было семнадцать ноль-ноль. Возвращаться к себе, в инспекцию, чтобы забрать машину, было бессмысленно, поэтому Гольцов отпустил водителя и побрел на трамвайную остановку.

Войдя в трамвай, Анатолий, к несчастью для себя, столкнулся с собственным папашей, державшим в руках два пластиковых карниза:

– Вот, – сообщил сыну бывший авиатехник. – Мамка заставила, пришлось слетать.

– А что не на машине? – поинтересовался Гольцов, не особо обрадованный неожиданной встречей с родителем.

– Так я того, – Иван Дмитриевич весело хлопнул себя ладонью по горлу, – под мухой маненько.

Эти «маненько», «мамка», «чем занимаетесь», «это вот того» и прочие отцовские придумки, призванные развеселить собеседника, ужасно раздражали Гольцова-младшего, но он терпел и даже в общении с Иваном Дмитриевичем иногда сознательно позволял себе нечто подобное, чтобы быть с отцом на одной волне. Но старшему Гольцову такое созвучие абсолютно не требовалось, он привык развлекать себя сам и весьма преуспел в этом, обзаведясь компьютером, за которым проводил все свое свободное время, отсматривая все новости вперемешку с «приколами» и «фото дня».

– Чего-то ты рано, – усмехнулся Анатолий.

– Чего-то ты тоже, – хмыкнул отец и тут же призвал сына к ответу: – Машину стукнул или резину сняли?

– Нет. А должны? – Гольцов-младший пытался сохранять спокойствие.

– Конечно, – уверенно заявил Иван Дмитриевич. – Гаража нет, на стоянку, смотрю, не всегда ставишь, машина во дворе стоит под окнами. Не успеешь глазом моргнуть, как либо колеса проткнут, либо чего-нибудь нацарапают.

Нарисованные перспективы были настолько безрадостными, что у мнительного Толи душа заболела за свою машину, и сразу захотелось перезвонить верной Ксении Львовне и попросить ее проверить, все ли с его «красавицей» в порядке.

– Хочешь, мы тебе с мамкой гараж купим? – предложил веселый Иван Дмитриевич, внимательно изучая унылый вид ни много ни мало советника государственной гражданской службы Российской Федерации Первого класса.

– Нет, – Анатолий ожесточенно замотал головой.

– Зря-а-а, – доза, принятая отцом делала его щедрым не только на слова, но и на поучения. – Вы с Анькой живете так, будто всегда будете молодыми. Не бу-де-те! – по слогам, с очевидным удовольствием произнес Иван Дмитриевич. – И не надейся. Надо уже сейчас о своей старости заботиться. Чтобы гараж. Чтобы дача. Чтобы деньги на сберкнижке. А у вас что? У вас – нет ничего! – с удовлетворением отметил Иван Дмитриевич и почувствовал свои очевидные преимущества. – Хочешь анекдот расскажу?

«Уж лучше анекдот, чем инструкция по применению», – подумал сын и молча кивнул головой.

– Слушай, – объявил на весь трамвай Иван Дмитриевич и, придав своему лицу сосредоточенное выражение, начал вещать: – Короче, сидит мужик на скамейке. А рядом с ним... (тут последовала глубокомысленная пауза) – смерть.

После слова «смерть» все пожилые пассажиры с любопытством обернулись.

– Так вот. Мужик напугался, но вида не подал и так нахраписто спрашивает: «Вы, собственно говоря, кто?» – «Я, собственно говоря, смерть». – «А вы, собственно говоря, за кем?» – «А я, собственно говоря, за вами». «Собственно говоря, что?» – здесь Иван Дмитриевич глубоко вздохнул, обвел глазами притихший вагон и вымолвил: «Собственно говоря, все!»

– Что? – не расслышал мужик, сидевший в самом конце вагона.

– Все! – прокричала ему кондукторша и приготовилась обилетить вошедших пассажиров.

– Вот и у тебя будет «все», – гуманно пообещал сыну Иван Дмитриевич и, переложив карнизы из одной руки в другую, предупредил: «Следующая – наша».

При звуке этих слов у Анатолия окончательно испортилось настроение, поэтому на предложение зайти к родителям – «мамка крошку сделала» – он отреагировал так, словно родной отец прокладывал ему дорожку в царство мертвых.

– Не хочешь, как хочешь, – обиделся Иван Дмитриевич и зашагал, не оборачиваясь, в сторону дома.

«Могу же я чего-нибудь не хотеть», – мысленно попытался оправдаться Анатолий и направился к подъезду, возле которого стояла машина Николая Николаевича. Внутри никого не было. «Уже дома», – рассудил Гольцов и заторопился: ему, как всегда, было неудобно заставлять себя ждать. Ровно через пятнадцать минут он стоял у машины Мельникова с рюкзаком за спиной.

– Точность – вежливость королей, – поприветствовал Гольцова Николай Николаевич. – Не уговорили, вижу, Анну Викторовну?

– Да я и не уговаривал, – признался Анатолий. – Раз Аня сказала: нецелесообразно. Значит, нецелесообразно.

– Прекрасно, когда между супругами такое взаимопонимание, – прокомментировал Мельников, садясь за руль, и было непонятно, то ли он говорит об этом с иронией, то ли совершенно серьезно.

Гольцову стало неуютно и, пристегиваясь, он нерешительно поинтересовался:

– А что, разве с Жанной у вас по-другому?

– У нас с Жанной? – не поворачивая головы, переспросил Николай Николаевич. – У нас с Жанной так же. Как Жанна скажет, так и сделаем.

– Ну, вот видите... – обрадовался Анатолий и выпрямил спину.

– Вижу, – подтвердил Мельников и очень спокойно добавил: – Но поступаю так, как считаю нужным, хотя со стороны, – он бросил испытующий взгляд на Гольцова, – может показаться, что я подкаблучник.

«Конечно, подкаблучник», – возликовал Анатолий, но в целях мужской солидарности произнес, что на самом деле это только кажется.

– Это вы мне как подкаблучник подкаблучнику? – странно пошутил Николай Николаевич, и у Гольцова снова возникло ощущение, что над ним недобро посмеиваются.

«Не надо ехать!» – промелькнуло в сознании Анатолия в момент, когда Мельников выехал со двора, но вместо того, чтобы довериться собственной интуиции и отказаться от визита в Дмитровку, Гольцов, влекомый порывом, набрал номер жены в надежде, что та сейчас скажет: «Вернись, ну его, этот банкет, к черту! Давай проведем вечер вместе. Сто лет нигде не были». Однако вместо этого Аня просто пожелала счастливого пути и объявила, что пойдет в ресторан прямо с работы, потому что ничего, как обычно, не успевает.

– А чем твои сотрудники тогда занимаются? – проворчал разочарованный ответом супруги Толя.

– Тем же, чем и твои. Ждут конца рабочего дня.

– А у тебя, конечно, конца рабочего дня не предвидится? – иронично поинтересовался Анатолий и, покосившись на Мельникова, добавил: – Знаешь, Анют, ты просто не умеешь наладить работу в своем департаменте. И, кстати, незаменимых у нас нет.

– У вас – нет, – согласилась с мужем Анна и попросила: – Позвони, как доберетесь! И передавай привет Мельниковым.

– Передам, – буркнул Гольцов и с раздражением начал засовывать сотовый в нагрудный карман.

– Вы никогда не думали, почему в семье Стива Джобса был введен запрет на пользование гаджетами? – неожиданно поинтересовался Николай Николаевич.

– Мне все равно, – отмахнулся Анатолий и уставился в окно.

– Стив Джобс был осведомлен о том, каково вредное воздействие мобильных телефонов на организм человека, и потому берег своих детей.

– И что? – Гольцов никак не мог понять, куда клонит Мельников.

– Да ничего. – Николай Николаевич по-прежнему смотрел на дорогу. – Просто я думаю, что в семье Стива Джобса никому не пришло бы в голову засунуть телефон в нагрудный карман. В отличие от вас...

Анатолий растерянно посмотрел на сидевшего рядом Мельникова и быстро вынул сотовый, пытаясь сообразить, куда определить телефон-убийцу. После слов Николая Николаевича вариант с карманами отпал сам собой.

– Положите в бардачок, – подсказал Мельников и показал поворот: в салоне мелодично запикало.

– Забуду, – отказался от предложения Гольцов и снова завертел головой по сторонам.

– Ну и что? Забудете и забудете. Что случится-то?

– Вдруг Анята звонить будет...

– Не будет звонить вам ваша Аня, – не отрывая взгляда от дороги, со знанием дела прокомментировал Николай Николаевич.

– Мы всегда связываемся перед сном, если оказываемся не вместе, – отказался верить предсказанию Мельникова Анатолий и положил сотовый на заднее сиденье.

– Зачем? – пресно поинтересовался Николай Николаевич. – Это же формальность – все эти ваши «Спокойной ночи, зайчик», «Спокойной ночи, зайка». По телефону можно наговорить все что угодно, а потом выйти – и пойти по своим делам.

– То есть налево?

– Какая разница: налево или направо. И вы, и Жанна не понимаете, что на самом деле сотовый – это очень мерзопакостная вещь. Во-первых, технологии дошли до того, что я легко могу определить ваше местопребывание, даже если вы не отвечаете на мои звонки. Во-вторых, при определенных усилиях я всегда могу получить распечатку, чтобы вычислить нужный мне номер. Вы думаете, что мобильный вас страхует, а на самом деле – он вас компрометирует. И потом, если вы разговариваете рядом с собеседником, то семьдесят процентов информации слышно, даже если вы рукой пытаетесь прикрыть трубку. Поэтому – выбросите свой сотовый и начинайте жить по-настоящему. Уж поверьте мне!

Последние слова Мельников произнес с такой злобной уверенностью, что Гольцов опешил. Во-первых, ему было не совсем понятно, почему Николай Николаевич автоматически объединил его со своей женой. Во-вторых, смущал сам ход мыслей Мельникова: какая-то распечатка, какой-то номер, какие-то семьдесят процентов подслушанной информации. И еще: прежде Анатолий никогда не чувствовал этой кричащей назидательности в словах старшего товарища. Наоборот, реплики Николая Николаевича всегда были ироничны, но вместе с тем никогда не задевали присутствующих. А сегодня Гольцову показалось, что тот сознательно пытается вызвать у него неприятные чувства.

«Зачем?» – недоумевал Анатолий и испытывал острое желание снова позвонить Анне, но в присутствии Мельникова сделать это было неудобно. «Позвони сама!» – мысленно взмолился Гольцов и приготовился ждать.

– Вы, молодые, – продолжил Николай Николаевич, – не понимаете очевидных вещей и пытаетесь контролировать друг друга вместо того, чтобы доверять и довольствоваться малым. Ну вот скажите мне, Толя, какая необходимость отправлять эсэмэс жене каждые полчаса?

– Да я и не отправляю, – начал оправдываться Гольцов.

– Да при чем тут вы? Я в целом, – перебил его Мельников. – Пусть не жене, не мужу, пусть подруге или любовнику. Как с ума все сошли! Вот, например, получаю от Жанны: «Ты где?» Что это значит – «Ты где?»

– Это значит, где ты находишься.

– Я понимаю, – согласился с Анатолием Николай Николаевич. – А если я отвечу: «Я здесь»? Что вы будете делать? «Здесь» – это где?

– «Здесь» – это вообще, – Гольцов подключился к размышлениям старшего товарища. – Обычно вопрос «Ты где?» подразумевает определение точных координат: где и когда.

– А еще он может подразумевать: «Сколько личного времени у меня осталось?», или «Когда ты явишься, чтобы успеть убрать все следы?», или «Где черт тебя носит, я хочу есть, спать, гулять и так далее?»

– Мне кажется, Николай Николаевич, вы усложняете.

– Нет, дорогой, – возрадовался Мельников. – Это вы с Жанной упрощаете и думаете, что правы. И даже не хотите себе представить, что у каждого слова много смыслов. И от того, как вы их считываете, ваша жизнь идет либо правильно, либо неправильно.

– Никогда об этом не думал, – признался Гольцов и схватил с заднего сиденья телефон.

– Проверить хотите? – съязвил Николай Николаевич и покосился на свой аппарат, закрепленный перед передней панелью автомобиля. – Тогда напишите Анне Викторовне и поинтересуйтесь, какие у нее планы на вечер. Или...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.